

Sangharakshita

The Ten Pillars of
Buddhism

Windhorse Publications, 2000

2 Десять Столпов Буддизма

Сангхаракшита

Десять Столпов
Буддизма

4 Десять Столпов Буддизма

«Десять Столпов Буддизма», Сангхаракшита (Денис Лингвуд)
ISBN: 978-1-326-01872-6

Первое издание — 2015 © Суваннавира (Андрей Пашкевич)
Перевод с английского: Бурденюк Ростислав Владимирович

Текст на обложке: фрагменты Кутаданта Сутты (Дигха-Никая) на языке пали.

Авторские права на фон обложки предоставлены в соответствии с условиями на сайте: <http://www.myfreetextures.com/sample-page/>

Веб-сайт: <http://buddhayana.ru>
e-mail: talkto@buddhayana.ru

«The Ten Pillars of Buddhism», Sangharakshita (Denis Lingwood)
ISBN: 978-1-907-31401-8
2000 © Sangharakshita, Windhorse Publications, Cambridge, UK

Веб-сайт: <http://windhorsepublications.com>
e-mail: info@windhorsepublications.com

Этот перевод «Десять Столпов Буддизма» публикуется по договоренности с Windhorse Publications.

Десять Наставлений

Я становлюсь на Путь самосовершенствования
и обещаю воздерживаться от убийства живых существ.

Я становлюсь на Путь самосовершенствования
и обещаю воздерживаться от взятия того, что не отдано по доброй воле.

Я становлюсь на Путь самосовершенствования
и обещаю воздерживаться от причинения вреда в сексуальной сфере.

Я становлюсь на Путь самосовершенствования
и обещаю воздерживаться от лживых речей.

Я становлюсь на Путь самосовершенствования
и обещаю воздерживаться от грубых речей.

Я становлюсь на Путь самосовершенствования
и обещаю воздерживаться от пустых речей.

Я становлюсь на Путь самосовершенствования
и обещаю воздерживаться от клеветы.

Я становлюсь на Путь самосовершенствования
и обещаю воздерживаться от алчности.

Я становлюсь на Путь самосовершенствования
и обещаю воздерживаться от ненависти.

Я становлюсь на Путь самосовершенствования
и обещаю воздерживаться от ложных воззрений.

Благие Обеты

Добрými делами любви,
Я очищаю тело своё.

Щедростью рук своих,
Я очищаю тело
своё.

Спокойствием, скромностью и умиротворённостью,
Я очищаю тело своё.

Искренними словами,
Я очищаю речь свою.

Добрými и приветливыми словами,
Я очищаю речь свою.

Полезными и осмысленными словами,
Я очищаю речь свою.

Примиряющими словами, которые способствуют гармонии,
Я очищаю речь свою.

Отказываясь от алчности для достижения удовлетворенности,
Я очищаю ум свой.

Заменяя ненависть состраданием,
Я очищаю ум свой.

Преображая неведение в мудрость,
Я очищаю ум свой.

Предисловие

Текст этой книги был впервые представлен членам Буддийского Ордена «Триратна» (который в то время назывался «Западный Буддийский Орден») в Лондоне в апреле 1984 года.

Собрание было посвящено празднованию шестнадцатой годовщины создания Ордена, а темой книги стали *десять столпов*, имеющих фундаментальное значение для всех присутствующих.

Эти столпы представляют собой десять этических принципов, которые члены Ордена «получают» в момент принятия в Орден, и которым они обещают следовать в качестве духовного аспекта повседневной жизни.

Несмотря на кажущуюся простоту предмета Сангхаракшита постарался показать, что ни одна из тем не настолько «проста», чтобы пренебречь ее углубленным рассмотрением.

К многочисленным формулировкам и выражениям, определяющим Учение Будды, можно возвращаться еще не один раз как к посланиям Просветленного ума. Их свежесть и актуальность не может быть исчерпана никогда.

По ходу выступления Сангхаракшиты становилось ясно, что он обращается к намного более широкой аудитории, чем присутствующие в зале. То о чем он говорил, было важно также для всех членов Ордена, действительных и будущих, которых там не было. Но его речь была обращена также ко всему «буддийскому

миру» и, даже более того, ко всем не-буддистам, находящимся в поисках этических стандартов для себя.

Поэтому мы издали текст его речи в виде этой книги в надежде на то, что она станет доступной хотя бы части этой большой аудитории.

Возможно, в части первой, где Сангхаракшита обращается к аудитории более убежденных буддистов, главное, что бросается в глаза это то, что *десять наставлений* рассматриваются им не просто в виде перечня, причем, достаточно короткого, среди многих других. Он избрал качественно другой подход. Он рассматривает все наставления по отношению к функциям тела, речи и сознания, таким образом соотнося их со всеми аспектами человеческого бытия. Другие традиционные перечни наставлений, многие из которых гораздо длиннее, также достаточно подробно описывают определенные аспекты духовной жизни, однако ни один из них не является настолько всеобъемлющим. Именно благодаря такой полноте можно утверждать, что *десять наставлений* представляют собой набор фундаментальных принципов духовной жизни: *мула пратимокша*.

При толковании этого перечня наставлений Сангхаракшита предлагает всей Буддийской Сангхе к рассмотрению формулу этической жизни, рассекающую все слои часто безжизненного формализма и юридических тонкостей, которые не только делали невозможным использование других формул, но и часто использовались для нарушения единства Буддийского Духовного Сообщества.

Вместе с тем, автор замечает, что наставления – независимо от того, в каком наборе они подаются – нужно рассматривать всего лишь как выражение того,

что на самом деле является высшим общим фактором буддизма: Поиск Прибежища. Высшие ценности, а, следовательно, и этические наставления, возникают из основополагающего посвящения себя достижению более высоких уровней бытия.

Таким образом, в этом разделе Сангхаракшита предлагает всем школам буддийской сангхи ключ к единению, ключ к ощущению Махасангхи. Те, кто считает, что такой ключ можно повернуть только за счет ослабления преданности духовному пути и его целостности, будут приятно удивлены, обнаружив, что все обстоит совершенно наоборот.

Во второй части книги западные буддисты, восточные буддисты, равно как и не-буддисты, обнаружат для себя ценные рекомендации для повседневной жизни. Здесь Сангхаракшита углубленно рассматривает каждое из десяти наставлений, предлагая нам со своей стороны обратить свой моральный взор по очереди на различные аспекты нашей жизни. Основываясь на наставлениях, сформулированных как «позитивно» (благие обеты), так и «негативно» (десять наставлений), он старается помочь нам открыть для себя их такими, какими они есть на самом деле – не сухими правилами, а отражением истинного посвящения себя духовной жизни и ценностям.

Следуя за автором, мы в конечном итоге обнаруживаем, что со всех сторон окружены, но не стенами и заборами, а десятью величественными столпами, яркими и сверкающими, усеянными драгоценными камнями, подпирающими небесную высь духовной жизни.

Нагабодхи

Сукхавати

20 июня 1984 года

Об авторе

Сангхаракшита (Деннис Лингвуд) родился в южном Лондоне в 1925 году. Занимаясь большей частью самообразованием, он рано проявил интерес к культуре и философии востока, и осознал себя буддистом в возрасте 16 лет.

Вторая мировая война застала его в качестве призывника в Индии, где он остался и впоследствии принял буддийское монашество под именем Сангхаракшита («защитник духовной общины»). На протяжении нескольких лет он совершенствовался под руководством ведущих учителей основных буддийских направлений, после чего начал сам учить и много писать.

Сангхаракшита сыграл ключевую роль в возрождении буддизма в Индии, особенно благодаря его работе среди последователей доктора Б.Р. Амбедкара.

После 20-ти лет, проведенных в Индии, он вернулся в Англию и основал Буддийскую Общину «Триратна» в 1967 году, а в 1968 – Буддийский Орден «Триратна». Опыт и ясность мышления Сангхаракшиты как посредника между Востоком и Западом, между традицией и современностью, между принципами и практикой становятся широко признанными во всем мире. Он всегда подчеркивал важность решительного посвящения себя духовной жизни, незаменимость духовной дружбы и общины, неразрывную связь религии и искусства и необходимость построения «нового общества», которое поддерживает духовные ценности и идеалы.

Сейчас Буддийская Община «Триратна» представляет собой международное буддийское движение с центрами в шестнадцати странах. В последние годы Сангхаракшита передал большую часть своих обязанностей старшим руководителям Ордена. Теперь, находясь в своей резиденции «Адхистхана» в Великобритании, он посвящает свое время личным контактам и писательской деятельности.

Введение

Буддийский Орден «Триратна» был основан в Лондоне в 1968 году. Сегодня мы собрались, чтобы отметить его шестнадцатую годовщину или, как многие говорят, шестнадцатый День рождения. Даже не обладая развитым воображением, можно придать особое значение тому факту, что Орден просуществовал именно это число лет. Дважды восемь дает шестнадцать, и четырежды четыре – тоже шестнадцать, а четыре и восемь традиционно считаются числами, символизирующими устойчивость и стабильность. Шестнадцать в сумме дают также числа десять и шесть, которые также имеют свое значение. В добуддийской индийской традиции явление и предметы часто формировались в группы числом шестнадцать или кратным ему. Наиболее яркий пример этому – шестнадцать «чисел» Луны. Упоминания о шестнадцатой части встречаются и в буддийской литературе. Так, в собрании сутр *Итивуттака* Будда провозглашает:

Монахи, все благие способы, ведущие к достижению воздаяния в этой жизни, не стоят и одной шестнадцатой доли любви (то есть *метта*), освобождающей ум. Любовь, освобождающая ум, вмещает их в себе, сияя, блистая и излучая. Подобно тому, как сияние всех звёзд не может сравниться с одной шестнадцатой долей яркости Луны, но как свет Луны поглощает в себе сияние их, блистая, сверкая и излучая, так и все способы

К достижению воздаяния этой жизни не стоят и одной шестнадцатой доли любви, освобождающей ум.¹

Вероятно, наиболее известной группой, состоящей из шестнадцати персонажей, в буддизме являются шестнадцать Архатов, мифических существ, действующих на протяжении веков и периодически продвигающихся в постижении Учения (*Сасана*).

Однако, для многих людей, связанных с Триратной, будь то члены Ордена, митры или друзья, число шестнадцать чаще всего ассоциируется с образом Бодхисаттв. Манджушри, Авалокитешвара и остальные Бодхисаттвы описаны в литературе и представлены в изобразительном искусстве буддизма в образе прекрасных *шестнадцатилетних* индийских принцев, облаченных в дорогие шелка и убранных драгоценными камнями. Им по шестнадцать потому, что в Индии этот возраст ассоциируется с периодом достижения полного развития физических и духовных качеств человека, расцветом мужской красоты и силы и готовностью к взрослой жизни. В западном представлении в этом возрасте человек обретает способность судить обо всем самостоятельно, становится взрослым. Таким образом, в индийской традиции шестнадцатый день рождения имеет такое же значение, как и двадцать первый на Западе. Разница в пять лет возникает, безусловно, потому, что в Европе и Северной Америке взросление происходит медленнее, чем в регионах с более теплым климатом.

¹ *Minor Anthologies of the Pali Canon Part II*. Перевод F.L. Woodward (Pali Text Society, London 1948), стр. 130

Празднуя шестнадцатый День рождения Ордена, мы как члены этого Ордена, отмечаем наше коллективное взросление как Духовной Общины. Мы достигли возраста независимого суждения. Мы стали взрослыми. Мы превратились – по крайней мере, коллективно – из детей во взрослых. Теперь у нас есть собственный ключ от входной двери и свобода уходить и возвращаться по собственному усмотрению. Однако, празднуя свое взросление, нам не стоит забывать, что мы, хотя и буддисты, в большинстве своем остаемся людьми Запада, и что у нас, как у Ордена, духовное созревание подобное физическому и духовному созреванию шестнадцатилетнего индийского юноши, может отнять еще несколько лет. Возможно, только к своему двадцатиодномулетию наш Орден станет, на мирском уровне, явным отражением тысячерукого и тысячеглазого шестнадцатилетнего Авалокитешвары.

И все же, сегодня наш шестнадцатый день рождения, то есть день нашего официального совершеннолетия, хотя, возможно, мы и отстаем немного в развитии. Частично поэтому я решил, что нам не просто стоит собраться по этому поводу в возможно более полном составе, но и что мне нужно в процессе празднования прочитать лекцию или какой-либо труд. Нам не так часто удается собраться всем вместе. Большинство членов Ордена обычно очень заняты, есть некоторые проблемы с приездом и размещением, но определенным утешением служит тот факт, что все же настолько большой группе удалось собраться здесь сегодня, в особенности потому, что нам не удалось организовать Собрание, которое обычно проводится раз в два года. Так что, первое из условий стабильности Ордена, определенных Буддой незадолго до его

вступления в *Паринирвану*, общее число которых составляет семью семь минус один, а именно, что общее собрание должно проводиться регулярно при максимально большом числе участников, нами выполняется, по крайней мере, в определенной степени. И естественно, мы не забываем сегодня и о тех членах Ордена, которые не смогли присоединиться к нам сегодня, но которые, без сомнения, также празднуют наше шестнадцатилетие. Мы помним, что нас с ними постоянно связывают наша общая преданность Трем Драгоценностям и всепроникающий дух *метты*, который, пронизывая пространство и время, объединяет сердца и умы в едином всемирном духовном братстве.

Поскольку я решил прочесть лекцию или какой-либо труд, я объявил, что готов услышать любые предложения относительно их темы. И они поступили. От предложения поговорить о том существует ли философский термин, определяющий природу буддизма, как, к примеру, «монотеизм» определяет природу христианства и ислама, до предложения посвятить свое выступление *Праджне* в смысле «неуспокоения», смысле, который, по мнению члена Ордена, высказавшего это предложение, пронизывает *Сутру Сердца*. Однако мое выступление не будет посвящено ни одной из этих тем, хотя я надеюсь, что смогу сказать хотя бы несколько слов о каждой из них, в какой-то момент в том или ином контексте. Поскольку мне не часто доводится лично обращаться к вам, собравшимся в таком числе, сегодня, в день нашего шестнадцатилетия, я хотел бы поговорить о вещах, фундаментально важных для всего Ордена. После некоторых раздумий я принял решение, что темой моего

выступления станут Десять Наставлений, то есть десять *акусала-дхамм*, от которых обещают воздерживаться, и десять *кусала-дхамм*, которым обещают следовать при посвящении в Буддийский Орден «Триратна».

Я выбрал эту тему по трем основным причинам. Во-первых, потому, что, несмотря на всю важность рассматриваемого предмета, я никогда, насколько припоминаю, не посвящал ему целой лекции. Во-вторых, с течением времени, мне открывается все яснее и яснее, насколько глубоко значение и насколько существенно влияние – как теоретическое, так и практическое – каждого из, казалось бы, простых Наставлений. И, в-третьих, я хотел еще раз подчеркнуть наш принцип «больше и больше меньшего и меньшего», то есть принцип, следуя которому мы стараемся по возможности глубже проникнуть в так называемые элементарные учения буддизма, в противоположность тому, чтобы скорее перейти к учениям более сложным. Причем это тем более важно в свете нашего сегодняшнего торжества. Как я отметил ранее, нам теперь шестнадцать и мы достигли возраста, когда способны принимать независимые решения. Мы теперь взрослые. Но я также сказал, что мы, как Орден, еще не можем чувствовать себя настолько взрослыми, как подсказывает наш возраст. Один из признаков отсутствия зрелости – индивидуальной или коллективной – является ощущение освобождения от, так сказать, ходунков и нежелание повторять уроки, усвоенные в детстве. Используя термины буддизма, это означает возможность пренебречь его «элементарными» учениями, то есть в большинстве случаев – этическими учениями, выраженными, к примеру, в Пяти, Восьми или Десяти

Наставлениях. Но сегодня я хотел бы поговорить о Десяти Наставлениях не потому, что я начал это замечать, а скорее для того, чтобы предупредить подобное явление.

Надеюсь, никто не испытывает разочарования. Также надеюсь, никто не ожидал от меня выступления о чем-то более сложном и эзотерическом. Если это все же так, особенно, если кто-то до сих пор считает тему этики скучной и не интересной, им будет приятно узнать, что я озаглавил свое выступление не просто «Десять Наставлений», что само по себе не звучит чересчур ярко и воодушевляюще, а «Десять Столпов Буддизма». И, тем не менее, *Десять Наставлений* действительно являются прочной опорой всего величественного сооружения под названием Дхарма. Наверное, Дхармы не существовало бы вовсе без *Десяти Наставлений*. Продолжая употреблять архитектурные метафоры, можно назвать Три Драгоценности фундаментом Дхармы, Десять Наставлений – двумя рядами колонн, поддерживающих бесценный купол, Медитацию – самим куполом, а Мудрость – изящным шпилем, венчающим купол. Далее, можно описать материал, из которого сооружен каждый из Десяти Столпов, например, бриллианты, золото, драгоценные камни и т.д. Таким образом можно не только понять всю важность Десяти Наставлений, но также ощутить все их великолепие. Воскликнув «Божественная Философия!», Мильтон в своем известном стихотворении продолжает:

Ты не сурова, как вещают нам глупцы,
Ты музыкальна, словно лютня Аполлона!

В том же духе можно утверждать, что как и сам буддизм, тема буддийской этики – особенно представленная Десятью Наставлениями – является вовсе не скучной и безынтересной, как может показаться поверхностному исследователю, а напротив, полной света, жизни, цвета и тепла. Перефразируя парадокс другого поэта можно сказать о буддийской этике, то есть Десяти Наставлениях, что их необходимо полюбить прежде, чем они покажутся достойными любви.

Хотя я никогда не посвящал вопросу Десяти Наставлений отдельной лекции, мне, безусловно, доводилось и выступать, и писать о буддийской этике, в частности как о составной части Благородного Восьмеричного Пути и Пути Десяти Парамит или Совершенств². Также этой теме посвящена моя статья под названием «Аспекты буддийской морали», в которой рассматриваются следующие вопросы:

Природа Морали

Мораль и Духовный Идеал

Мораль Мирская и Трансцендентальная

Формы Морали

Преимущества Морали

Моральные Установки³

В своем сегодняшнем выступлении я постараюсь избегать предметов, раскрытых мною ранее, а также тем, детально освещенных другими исследователями буддизма, как современными, так и древними. В

² Sangharakshita, *A Survey of Buddhism* (7-е издание, Windhorse, Glasgow 1993) стр. 159-172, 461-484

³ Maha Sthavira Sangharakshita, "Aspects of Buddhist Morality" *Studia Missionalia* (Rome 1978) вып. 27, стр. 159-180

частности, я постараюсь не погружаться в схоластический анализ, по крайней мере, в форме, ставшей традиционной для некоторых форм буддизма.

Даже с учетом таких ограничений мне предстоит раскрыть достаточное количество вопросов и даже если придется коснуться их очень бегло, оглавление такой работы будет выглядеть очень насыщенным. Поэтому, говоря о Десяти Столпах Буддизма, я разобью свое выступление на две части. В первой из них я буду говорить о Десяти Наставлениях, так сказать, коллективно, то есть всех вместе. Во второй части я поговорю о них индивидуально, то есть о каждом из них в отдельности. Ради удобства, коллективное рассмотрение Десяти Наставлений будет поделено на восемь разделов, безусловно взаимосвязанных и в некоторых областях повторяющих друг друга. Вот эти восемь разделов:

Связь между Прибежищами и Наставлениями
Канонические источники Десяти Наставлений
Десять Наставлений и полная трансформация
Десять Наставлений как принципы этики
Десять Наставлений как правила практики
Десять Наставлений как «Мула Пратимокша»
Десять Наставлений и другие этические нормы
Десять Наставлений и образ жизни

Надеюсь, что такое деление первой части поможет нам получить более глубокое представление о Десяти Столпах Буддизма в их коллективном величии.

Десять Наставлений
(коллективно)

ГЛАВА 1 Связь между Прибежищами и Наставлениями

Три Прибежища (или Три Драгоценности) – это, конечно же, Будда или Просветленный, Дхарма или Учение о Пути к Просветлению и Сангха – Духовная Община последователей Пути к Просветлению, в особенности тех, кто уже достиг более высоких трансцендентальных уровней духовного развития, откуда возвращение уже не возможно. Человек обращается к Прибежищу в Будде, Дхарме и Сангхе – или, говоря современным языком, посвящает себя им – когда решает, что обретение Просветления является в жизни самым главным и когда начинает действовать – или когда сделает всё возможное, чтобы действовать – в соответствии с этим решением. Это означает, что вся жизнь во всех ее разнообразных аспектах начинает строиться таким образом, чтобы обрести Просветление. То есть, идеал Просветления, Будда (Будда, которым можно стать самому) помещается в центре личной Мандалы, а разнообразные интересы и деятельность располагаются ближе к центру этой Мандалы или дальше от него, в зависимости от той степени, в которой они помогают или препятствуют обретению Просветления. Интересы и деятельность, являющие собой противоположность Идеалу Просветления, должны, естественно, быть исключены из Мандалы. Обращение к Прибежищу в буддизме – основополагающее действие. Это то, что превращает человека в буддиста, последователя Дхармы или Дхармачари (жен.

Дхармачарини). Это превращает человека в члена Сангхи. Обращение к Прибежищу это то, что помимо всего остального, объединяет его с остальными буддистами. Другими словами, обращение к Прибежищу является высшим объединяющим фактором в Буддизме.

К сожалению, во многих частях буддийского мира обращение к Прибежищу давно считается самой низкой категорией, общей для всего буддизма, а не высшим объединяющим фактором. Именно эта недооценка и явилась одной из главных причин создания Буддийского Ордена Триратна. Если вообще можно говорить о самой низкой общей категории в буддизме, то это скорее Пять или Восемь или Десять Наставлений, которые во время церемоний «принимаются» от наставника сразу же после обращения к Прибежищу. Опять же, к большому сожалению, не обращение к Прибежищу, а следование этим Пяти или Восьми или Десяти Наставлениям, стало считаться высшим объединяющим фактором буддизма, что привело к тому, что буддийское сообщество имело тенденцию разделиться в зависимости от того, скольким Наставлениям следуют его члены (это число обычно 5 для «мирян» и либо 227, либо 250 для «монахов»), а не объединилось на основании принятия Прибежища в общих Будде, Дхарме и Сангхе.⁴

Практически невозможно понять истинную природу взаимоотношений между Прибежищами и Наставлениями без понимания крайней важности

⁴ Говоря об «объединении» я имею в виду духовное единение, а не связь по общим социально-экономическим признакам.

обращения к Прибежищу. Этот принцип действует независимо от числа принятых Наставлений. Взаимоотношения между Прибежищами и Наставлениями носят далеко не только внешний характер. Они не в том, что в дополнение к обращению к Прибежищу в Будде, Дхарме и Сангхе обещают также следовать Пяти, Восьми, Десяти или любому другому числу Наставлений. Они также не в том, что когда во время церемонии сразу после произнесения слов обращения к Прибежищу обещают следовать Наставлениям, их перечисляют в исторически сложившейся последовательности – произойди события иначе, их с тем же успехом можно было бы перечислить в обратном порядке. Взаимоотношения между обращением к Прибежищу и следованием Наставлениям очень органичны. Следование Наставлениям является выражением обращения к Прибежищу, как цветок является выражением семени, а творчество – выражением писателя или художника. В определенном смысле, обращение к Прибежищу и следование Наставлениям – это единый процесс духовной жизни и роста.

Когда Будду, то есть Духовный Идеал, помещают в центр собственной Мандалы, происходит радикальная перестройка содержания этой Мандалы. Если такой перестройки не происходит, значит, Будду поместили в центр этой Мандалы исключительно номинально, или это вообще был не Будда. Помещение Будды в центр личной Мандалы соответствует обращению к Прибежищу. Радикальная реорганизация содержания этой Мандалы соответствует следованию Наставлениям как прямое следствие обращения к Прибежищу в качестве, так сказать, его воплощения в каждом аспекте существования.

Обращение к Прибежищу или верность Трем Драгоценностям – кровь каждого буддиста. И тогда следование Наставлениям будет представлять собой циркуляцию крови по каждому из мельчайших каналов, пронизывающих бытие. По природе своей кровь должна циркулировать. Если она перестает циркулировать, значит, организм, частью которого она является, мертв, а сама кровь, остановившись, вскоре перестанет быть кровью как таковой. Таким образом, обращение к Прибежищу по самой природе своей должно находить продолжение в следовании Наставлениям. Если такого продолжения нет, значит, такой буддист практически мертв, и обращение к Прибежищу, тоже постепенно умирая, вскоре перестанет быть таковым.

Именно потому, что обращение к Прибежищу должно найти свое выражение в полной трансформации как самого человека, так и его отношений с другими, а также потому, что эта полная трансформация наиболее полно отражена в Десяти Наставлениях, а не в любом другом их числе, мы в Буддийском Ордена Триратна не только обращаемся к Прибежищу в Будде, Дхарме и Сангхе, но также принимаем и обет следования именно Десяти Наставлениям, а не Пяти, Восьми и т.д. К теме Десяти Наставлений и Полной Трансформации мы обязательно обратимся, однако пред тем, как мы это сделаем, я хотел бы коротко остановиться на том, что называю Каноническими Источниками Десяти Наставлений. Некоторые наши буддийские друзья, не являющиеся членами Триратны, известны своими сомнениями в том, что именно Будда проповедовал Десять Наставлений, которым следуют члены Ордена, и что упоминание о них имеются в

буддийских трактатах. Поэтому мы обязаны рассмотреть этот вопрос, чтобы быть уверенными в своих основах.

ГЛАВА 2 **Канонические источники Десяти Наставлений**

Хорошо известно, что Будда ничего не писал, и что в течение нескольких поколений его Учение передавалось исключительно устно. То, что мы сегодня называем буддийскими трактатами или канонической буддийской литературой, появилось только после того, как устно передаваемая традиция была зафиксирована письменно. По классификации, возникшей еще в период устной передачи знаний, весь этот огромный материал стал называться *Трипитака* (пали *Типитака*) или «Три Корзины», а именно *Виная-питака*, или Корзина монашеской дисциплины, *Сутра-питака*, или Корзина наставлений и *Абхидхарма-питака*, или Корзина, содержащая буддийскую доктрину. И исторически и духовно наиболее важной из них является Сутра Питака, а упоминания о Десяти Наставлениях в той или иной форме можно найти в каждой из четырех (или, в случае палийской Типитаки, пяти) *агам* или *никай*, из которых состоит эта Питака.

В палийском варианте Типитаке первое упоминание о Десяти Наставлениях имеется в *Кутаданта Сутте*, пятой сутте «Собрание длинных Наставлений» или *Дигха-Никая*. В этой сутте говорится о жертве и превосходстве исключительно моральной и духовной «жертвы», проповедуемой Буддой, над кровавой жертвой в древнем брахманизме. Брахман Кутаданта, чьим именем и названа сутта, собрал многие сотни животных для жертвы, но, не зная как совершить

тройное успешное жертвоприношение шестнадцатью видами принадлежностей (еще один пример употребления этого числа), решил обратиться к Будде, сведущему в этих вопросах. В ответ на вопрос Кутаданты Будда рассказал историю великого царя древности по имени Махавиджита. Этот царь тоже хотел принести обильную жертву и испросил совета своего придворного священника, как наилучшим образом провести жертвоприношение. Придворный священник (которым, как оказалось, был сам Будда в своем предыдущем воплощении) в ответ дал описание всего ритуала в аллегорической форме. Помимо прочего, он рассказал царю о том какие именно люди будут присутствовать при жертвоприношении, и нас будет интересовать именно эта часть сутты.

К жертвоприношению досточтимого придут убивающие живых существ и отказывающиеся убивать живых существ – берущие то, что не отдано по доброй воле и отказывающиеся брать то, что не отдано по доброй воле – следующие ложным путем чувственных удовольствий и отказывающиеся следовать ложным путем чувственных удовольствий – ведущие лживые речи и отказывающиеся вести лживые речи – ведущие клеветнические речи и отказывающиеся вести клеветнические речи – ведущие грубые речи и отказывающиеся вести грубые речи – ведущие пустую болтовню и отказывающиеся вести пустую болтовню – алчные и не алчные – недоброжелательные и доброжелательные – разделяющие

ложные воззрения и разделяющие правильные воззрения.⁵

В этом отрывке четко представлены все Десять Наставлений в их позитивной и негативной формах. После того как Будда дал ему эти советы и определил для него стадии духовного развития, Кутаданта понял, что на самом деле является лучшей жертвой из всех и обрел чистый незамутненный Глаз Истины, став таким образом Вошедшим в Поток. Тот факт, что в данной сутте Десять Наставлений упоминаются в контексте еще более давней истории, является очень показательным – он означает, что составителям Собрания длинных Наставлений именно эта этическая формула представлялась очень древней или, как мы бы сказали сейчас, восходящей к самым ранним дням буддизма.

Переходя от *Дигха-Никая* к *Мадджхима-Никая* или «Собранию средних Наставлений», мы обнаруживаем подробное освещение Десяти Наставлений в такой важной сутте как *Севитабба-асевитабба-сутте* или «Наставлении о том, чему следовать и чему не следовать» (*Мадджхима-Никая*, строфа 114). Рассмотрение проводит не сам Будда, а Шарипутра, который представляет монахам свое полное понимание того, о чем Будда сказал вкратце. Будда наставлял о существовании двух типов поведения, связанных с телом, двух типов поведения, связанных с речью, двух типов поведения, связанных с умом, двух типов возникновения мыслей, двух способов трактовки ощущений, двух видов восприятия увиденного и двух

⁵ *Dialogues of the Buddha*, Часть 1. Перевод с пали на английский Т.W.Rhys Davids (Pali Text Society, reprinted London 1956), стр. 179

видов осознания индивидуальности, причем в случае с каждой из диад имеется одна, которой необходимо следовать и другая, которой следовать не стоит. Шарипутра утверждает, что необходимо разделять два типа поведения (например, два типа поведения, связанного с телом): поведение, в результате которого неискusstный (*акусала*) ум быстро развивается, а искусный (*кусала*) ум – угасает, и поведение, в результате которого неискusstный ум угасает, а искусный – быстро развивается. Поведения первого типа следует избегать и следовать правилам поведения второго типа. Применяя это утверждение к поведению, связанному с телом, речью и умом (четыре остальные диады рассматриваются как подразделения поведения, связанного с умом), он рассматривает в каждом случае, какой тип поведения приводит к быстрому развитию неискusstного ума и угасанию искусного, а какой – наоборот. Таким образом он описывает достаточно подробно десять неблагих состояний (*акусала-дхамма*), которых человек должен избегать и десять благих состояний (*кусала-дхамма*), к которым он должен стремиться, то есть описывает Десять Наставлений. (Показательно, что аудитория при этом была представлена только монахами, или *бхиккху*).

В качестве примера толкований Шарипутры, которые впоследствии были подтверждены и озвучены самим Буддой, позвольте мне привести часть его объяснения восьмого и девятого Наставлений, то есть воздержания от алчности и ненависти, и развития их противоположностей. В самом начале он конкретно указывает на то, что именно хочет объяснить. В такого рода толкованиях вполне можно увидеть начало

Абхидхармы, с которой имя Шарипутры, безусловно, тесно связано.

«Я говорю, монахи, что есть поведение ума двух типов, одному из них нужно следовать, а другому – нет; и они не равнозначны». Так сказал Благословенный. В связи с чем он сказал это? Почтенные, если при следовании определенному типу поведения ума неискусные его состояния начнут доминировать, а искусные – угасать, то это не тот тип поведения ума, которому стоит следовать. Каков же это тип поведения ума, Почтенные, при следовании которому неискусные его состояния начнут доминировать, а искусные – угасать? Это, Почтенные, алчность; такой человек жаждет собственности другого, думая: «Хотел бы я, чтобы это стало моим»; у него ненависть в мыслях и гнев в целях, и он думает: «Да будут эти твари убиты и уничтожены или пусть их не будет вовсе». Если следовать этому типу поведения ума, Почтенные, то неискусные состояния ума начнут доминировать, а искусные – угасать. А каков же тот тип поведения ума, Почтенные, при следовании которому искусные его состояния начнут доминировать, а неискусные – угасать? Это тот, Почтенные, при котором человек не алчен; такой человек не жаждет собственности другого и не думает: «Хотел бы я, чтобы это стало моим»; у него нет ненависти в мыслях и гнева в целях, и он думает: «Да придут эти существа в мире, покое и счастье, в заботах о себе». Если следовать этому типу поведения ума, Почтенные, то искусные состояния ума начнут доминировать, а неискусные – угасать. Так что, когда

Благословенный сказал: «Я говорю, монахи, что есть поведение ума двух типов, одному из них нужно следовать, а другому – нет; и они не равнозначны», он говорил именно об этом.⁶

Хотя *Севитабба-асевитабба-сутта* и является, возможно, наиболее важным палийским источником Десяти Наставлений, существует также и ряд других. Имеется важная группа из примерно пятидесяти коротких сутт в *Ангуттара-Никая* или «Собрании последовательных Наставлений», в котором сутты рассортированы по числам от одного до одиннадцати в зависимости от количества обсуждаемых пунктов Дхармы. Многие из этих сутт различаются только по месту действия и лицам, которым они были адресованы. Автором же во всех случаях был сам Будда. Некоторые из них напоминают *Кутаданта Сутту*, поскольку в них следование Десяти Наставлениям так же представлено как наилучший способ жертвоприношения, проведения ритуалов очищения и подношения мертвым. Среди такого рода сутт есть одна (без названия), являющаяся характерной для всей группы. В этой сутте Будда разъясняет Чунде, серебряных дел мастеру, находящему покой в очистительных ритуалах «священнослужителей Западных Земель, носящих с собой горшки для воды», в чем состоит истинное очищение. После рассказа о том как следуют Десяти Наставлениям в их негативной форме, он далее описывает как им нужно следовать в форме позитивной.

⁶ *The Collection of the Middle Length Sayings (Мадджхима-Никая)*, том 3. Перевод на английский I.B. Horner, M.A. (Pali Text Society, London 1959), стр. 97-98

Теперь, Чунда, я объясню три вида действий тела, совершая которые, человек очищает себя; четыре вида действий речи, совершая которые, он очищается; и три вида действий ума, совершая которые, он очищается.

Как человек очищается через три вида действий тела?

Это когда он, прекратив отнимать жизни, начинает воздерживаться от убийства. Он живёт, отложив в сторону копье, отложив в сторону нож, с чистой совестью, ощущая милосердие и сострадание ко всем живым существам, заботясь о них.

Также, это когда он, прекратив присваивать то, что ему не было отдано по доброй воле, начинает воздерживаться от воровства. В селении или в пустынном месте, он не берет вещи, принадлежащие другим и которые не были даны ему.

Еще, это когда он, прекратив причинение вреда в сексуальной сфере, начинает воздерживаться от него. Он не вступает в сексуальную связь с девушками, находящимися под опекой своих родителей, братьев, сестёр или своей семьи. Он не вступает в сексуальную связь с чужими жёнами, с девушками, находящимися под стражей, или обрученными.

Так человек очищается через три вида действий тела.

А как человек очищается через четыре вида действий речи?

Это когда он, прекратив обманывать, начинает воздерживаться ото лжи. Если его позовут на городское собрание, на общественное собрание, на встречу родственников, на деловую встречу или

ко двору и спросят как свидетеля: «Подойди и скажи, уважаемый, что ты знаешь», то, если он не знает, он скажет: «Я не знаю»; если он знает, он скажет: «Я знаю»; если он не видел, он скажет: «Я не видел»; если он видел, он скажет: «Я видел». Так он избегает преднамеренной лжи ради себя, ради других или ради извлечения какой-либо выгоды.

Также, это когда он, прекратив клеветнические речи, начинает от них воздерживаться впредь. Если он что-либо услышал здесь, он не расскажет об этом там, чтобы поссорить тех людей с этими. Если он что-либо услышал там, он не расскажет об этом здесь, чтобы поссорить этих людей с теми. Примиряя таким образом тех, кто живёт друг с другом в ссоре, укрепляя отношения между теми, кто находится в союзе, он укрепляет согласие, получает удовольствие от гармонии, радуется гармонии и произносит примирительные речи.

Также, это когда он, прекратив пустословить, начинает воздерживаться от пустых речей. Он говорит в подходящее время; говорит то, что основано на фактах; говорит то, что соответствует цели, Дхарме, Винае. Он произносит слова, имеющие высокую ценность, веские и стоящие, убедительные и целенаправленные.

Еще, это когда он, устранив грубость из своей речи, начинает воздерживаться от грубых выражений. Он произносит слова, которые приятно слушать, мягкие, идущие к сердцу, вежливые, доставляющие радость и удовольствие многим.

Так человек очищается через четыре вида действий речи.

А как человек очищается через три вида действий ума?

Это когда он не испытывает алчности. Он не хочет обладать чужим, думая: «О, вот чужая вещь, она должна стать моей!»

Это, также, когда он не вынашивает дурных планов, и в душе его нет порочных намерений. Он желает: «Пусть все живут в мире без вражды, неприязни и печали, в счастье и гармонии».

Еще, это когда он обладает правильными воззрениями, и видит вещи без искажений, считая, что следует совершать даяния, жертвования и подношения. Есть плоды – результаты искусных и неискусных поступков. Есть этот мир и мир за пределами его. Есть мать и отец, есть сверхъестественные существа (в других мирах), есть священники и затворники, ведущие праведную жизнь и совершающие искусные действия, люди, познавшие собственным умом этот мир и мир за пределами его, и провозгласившие это.

Так человек очищается через три вида действий ума.

Чунда, таковы десять видов благих поступков.⁷

В других суттах Будда говорит о соблюдении и не соблюдении Десяти Наставлений (обычно только в их негативной форме) применительно к понятиям этого и противоположного берега, Дхаммы и не-Дхаммы, светлого и темного пути и т.д., показывая таким

⁷ *The Book of the Gradual Sayings (Anguttara-Nikaya)*, том 5. Перевод на английский F.L.Woodward, M.A. (Pali Text Society, reprinted London 1972), стр. 178-180

образом, что Десять Наставлений это форма нравственного поведения, которую можно рассматривать очень по-разному и с различных точек зрения. Далее в нескольких суттах Будда рассматривает человека как обладающего или не обладающего десятью, двадцатью, тридцатью или сорока качествами, достойных похвалы или порицания. Десять качеств соответствуют соблюдению (или несоблюдению) Десяти Наставлений, двадцать качеств – не только соблюдению (или несоблюдению) Десяти Наставлений самим человеком, но и поощрению другого к их соблюдению. Таким же образом тридцать качеств включают в себя личное следование Десяти Наставлениям, поощрение другого к тому же и одобрение его действий (равно как и противоположное этому), а сорок качеств – это тридцать качеств плюс выступление в поддержку либо невыступление в поддержку Десяти Наставлений. Здесь равное внимание уделяется этическим и духовным аспектам жизни, как в отношении себя, так и в отношении других.

Некоторые канонические источники Десяти Наставлений можно найти в Трипитаке (пали *Типитака*) и в суттах Махаяны включительно. Поскольку тот факт, что Будда действительно проповедовал Десять Наставлений и что это зафиксировано в буддийских текстах, является доказанным, я остановлюсь на санскритских канонических источниках Десяти Наставлений еще более кратко, чем палийских. Трипитака, естественно, сохранилась на языке оригинала далеко не полностью. Из сохранившихся частей одной из наиболее интересных и важных является *Махавасту*, труд, который предполагается

частью Виная-питаки школы Локуттаравадинов, являющейся подразделением школы Махасангхиков, хотя не имеет ничего общего с Винаей или монашеским сводом правил в обычном их понимании. *Махавасту* является, по сути, в высокой степени религиозной

«легендарной биографией» Будды, насыщенной Джатаками, или рассказами о предыдущих рождениях Будды. В одной из этих Джатак есть упоминание о Десяти Наставлениях.

Речь идет о Киннари Джатаке, очаровательной сказке о любви, приключениях и чудесах, напоминающих больше романтические истории эпохи короля Артура и сказки «Тысячи и одной ночи», чем обычное содержание буддийских текстов и особенно Виная-питаки. Не буду пытаться даже вкратце изложить всю Киннари Джатаку, но в определенный момент принц Судхану, главный герой сказки, то есть сам Будда в своем предыдущем рождении, присутствует при грандиозном ритуале брахманического жертвоприношения, во время которого царь Сучандрима готовился принести в жертву «животное каждого вида», включая Манохару, то есть Киннари, «эльфийскую деву», сказочный персонаж, которую только что схватили. Когда принц Судхану спросил царя, почему в жертву должно быть принесено так много живых существ (включая несчастную Киннари), и какого эффекта он хочет этим добиться, царь ответил, что жертвенные существа после смерти попадут в рай, а он сам получит возможность переродиться в раю столько раз, сколько живых существ принесет в жертву.

Принц был глубоко шокирован этим и ответил царю, что его воззрения ложны, потому как наивысшим правилом Дхармы (*парамам дхармам*) является

непричинение вреда (*ахимса*). И провозгласил: «Когда отнимаешь жизнь – это не Дхарма, когда воздерживаешься от того, чтобы отнять жизнь – это Дхарма». Также, воровство – это не Дхарма, а воздержание от воровства – это Дхарма. Таким образом Судхану произносит все Десять Наставлений. И даже больше. Между третьим и четвертым Наставлениями он вставляет еще одно, связанное с употреблением алкогольных напитков. Примечательно, что после перечисления Наставлений он заключает, что путь Десяти искусных действий – есть Дхарма. Те, кто следует пути Десяти неискusstных действий, – говорит он царю – перерождаются в аду. Те же, кто следует пути Десяти искусных действий, – перерождаются в раю. Так что сейчас путь, избранный царем, не есть путь в рай. Это путь в ад.

Под впечатлением услышанного царь Сучандрима освободил всех жертвенных существ, включая Киннари, после чего, естественно, Судхану и Манохару полюбили друг друга и отправились в город, принадлежащий принцу. Но это только начало истории.⁸

Очень немногие сутры Махаяны сохранились на санскрите. Большая их часть дошла до нас в китайском или тибетском вариантах. Одна из сутр, сохранившихся на санскрите, *Аштасахасрика-праджня-парамита* или «Сутра Совершенной Мудрости в 8 тысяч строк», в которой Будда, обращаясь к Архату Субхути, рассказывает о признаках, определяющих невозвращающегося Бодхисаттву, то есть Бодхисаттву, который, отвергнув

⁸ *The Mahāvastu*, том 2. Перевод на английский с санскрита J.J.Jones, M.A. (Pali Text Society, London 1952), стр. 91

возможность Нирваны для одного себя, обретает необратимое Высшее Совершенное Просветление на благо всех живых существ. Такой невозвращающийся Бодхисаттва, продолжал Будда, принимает обет следования десяти способам совершения благих действий. Он следует сам и поощряет других следованию принципам воздержания от убийства и т.д. до воздержания от ложных взглядов.

Совершенно ясно, что невозвращающийся Бодхисаттва следует этим десяти способам совершения благих действий, и поощряет и укрепляет других в их намерении поступать так же. Даже во снах своих и в мечтах своих он никогда не нарушает этих десяти наставлений. Даже в мечтах невозвращающийся Бодхисаттва помнит о следовании десяти благим путям.⁹

Одной из наиболее важных сутр Махаяны, сохранившихся только в переводе на китайский или тибетский, является *Вималакирти-нирдеша*, или «Поучения *Вималакирти*». В ней утверждается, что *кушала-карма-патха*, или десять способов искусного действия, как в данном контексте названы Десять Наставлений, являются *Будда-ксетра*, или Будда-полюс для Бодхисаттвы.¹⁰ Более того, от десяти способов искусного действия рождается тело Татхагаты (*кая*).¹¹

⁹ *The Perfection of Wisdom in Eight Thousand Lines and its Verse Summary*. Перевод на английский Edward Conze (Bolinas 1973), стр. 200-201

¹⁰ *The Teaching of Vimalakirti (Vimalakirtinirdeśa)*. Перевод на французский Etienne Lamotte (Pali Text Society, London 1976), стр. 20

¹¹ Там же, стр. 40

По словам Вималакирти, десять способов искусного действия это один из путей привнесения Дхармы в мир Саха Благословенным Шакьямуни.¹² И наконец, Десять Наставлений упоминаются в широко известной третьей главе *Суварна-прабхаша-сутры*, или «Сутра Золотого Света», Главе Исповедь, которая, по-видимому, изначально представляла собой ядро всего сочинения.¹³ Они также являются главной темой «Рассуждения о десяти способах благого действия», короткой работы, по всей видимости, переведенной с санскрита на китайский.

Показав таким образом, что Десять Наставлений, которым следуют члены Буддийского Ордена Триратна, действительно проповедовал Будда, и что в Трипитаке имеются множественные упоминания о них, мы можем вернуться к вопросу почему полная трансформация, являющаяся результатом обращения к Прибежищу, представляется более адекватно именно Десятью Наставлениями, а не каким-либо другим их числом.

¹² Там же, стр. 214

¹³ *The Sutra of Golden Light*, перевод *Suvarṇabhasottamasūtra* на английский R.E.Emmerick (Pali Text Society, London 1970), стр. 12

ГЛАВА 3 **Десять Наставлений и полная трансформация**

Человеческая личность в своей конкретной реальности не является однородной, а состоит из многих элементов, которые, если и нельзя фактически разделить, то, по крайней мере, можно четко разграничить. Эти элементы можно обозначить по-разному. В паулианстве – это тело, душа и дух; в Упанишадах индуизма – это пять *кош*, представляющие собой, соответственно, пищу, дыхание, сознание, интеллект и блаженство; в неоплатонизме – *soma*, *psyche* и *pneuma* и т.д. В буддизме человеческую личность традиционно анализируют в соответствии с двумя, тремя или пятью основными элементами, каждый из которых, в свою очередь, может быть подвергнут анализу. Двоичный анализ разделяет личность на *нама*, или имя, то есть субъективное существование ума, и *рупа*, или форма, то есть объективное материальное существование. При троичном анализе разделение происходит на тело (*кая*), речь (*вач*, *вача*) и ум (*читта*). При более подробном пятеричном анализе личность разделяют на тело (*рупа*), чувства (*ведана*), восприятие (*самджня*), воля (*самскара*) и сознание (*виджняна*), которые все вместе называются пять «совокупностей» (*скандх*).

Каждая из этих групп элементов, то есть двоичной, троичной или пятеричной природы, образует центр необъятной и сложной сети доктринальных, этических и символических взаимосвязей и

ассоциаций, которые на протяжении столетий становились все более и более подробными. Если у обычного непросветленного человека – имя и форма, то у Будды – *Дхармакая* и *Рупакая*, то есть «тело», в котором он воплощает истинную сущность вещей, и «тело», в котором он продолжает действовать в сущностном мире. Подобным образом, существует корреляция между разделением человека на тело, речь и сознание, и разделением Будды на (в соответствии с классификацией Йогачара, впоследствии принятой всеми школами Махаяны) *Дхармакая*, *Рупакая* (в этой классификации также *Нирманакая*, или «феноменальное тело»), а также *Самбхогакая*, или «тело блаженства» (буквально – «тело взаимной радости»), в котором он действует на более высоких духовных уровнях и посредством которого он, в частности, общается с Буддами других миров и с возвышенными Бодхисаттвами. В случае пятеричного анализа личности пять совокупностей коррелируют со многими другими группами из пяти элементов, как на микро-космическом, так и на макрокосмическом уровне. Существует пять семейств Будды, пять знаний (*джняна*), пять страстей (*клеша*), пять элементов, пять цветов и т.д.

Также, поскольку объект их исследования один и тот же, а именно личность человека в конкретных обстоятельствах, двоичная, троичная и пятеричная системы анализа тесно связаны друг с другом. «Имя» при двоичном анализе соотносится с речью и умом в троичном анализе (и наоборот), тогда как ум в троичном анализе соотносится с чувством, восприятием, волей и сознанием в пятеричном анализе (и наоборот). Другими словами, каждый вид анализа это

исследование человеческой личности в целом и, естественно, ее трансформации, которую мы имеем в виду, говоря о Десяти Наставлениях и Полной Трансформации. Полная трансформация представляет собой полное изменение личности в соответствии с высшим идеалом, Идеалом Человеческого Просветления.

Но почему именно Десять Наставлений ассоциируются с процессом полной трансформации, а не Пять или, к примеру, Восемь? Ответ на этот вопрос вытекает из уже сказанного. Наставления представляют собой воплощение обращения к Прибежищу в каждом аспекте человеческого бытия. Другими словами, они являют собой полную трансформацию личности, обращаясь к Прибежищу, в соответствии с идеалами, которые несет в себе обращение к Прибежищу. Поэтому наставления, которым такой человек обещает следовать как естественному продолжению обращения к Прибежищу, должны соответствовать главным принципам его жизни. А это означает, что классификация наставлений должна соответствовать «классификации» человека в той или иной буддийской традиции анализа.

Единственным собранием наставлений, удовлетворяющим этому требованию, являются Десять Наставлений, которые соответствуют троичному разделению человека на тело, речь и ум, поскольку объединяют в себе три наставления в отношении тела, четыре – в отношении речи и три – в отношении ума. Именно Десять Наставлений достаточно ясно подтверждают тот факт, что Наставления представляют полную трансформацию личности как следствие обращения к Прибежищу, и поэтому члены

Буддийского Ордена Триратна следуют именно Десяти Наставлениям.

Прежде чем мы завершим рассмотрение этой темы, позвольте мне привлечь ваше внимание к одному важному и интересному факту. Как мы видим, буддизм различает в человеке тело, речь и ум, и эта триада лежит в основе Десяти Наставлений. Упоминания о «теле, речи и уме» часто находят в Трипитаке, и может сложиться впечатление, что эта триада восходит к самому раннему периоду буддизма, являясь частью собственного «языка» Будды. Как мы знаем, этот язык был заимствован у существовавших уже на тот момент индийских религиозных традиций и отчасти адаптирован, а некоторые термины и концепции приобрели совершенно новое значение или интерпретацию. Триада *тела, речи и ума* не входила в этот уже существующий «язык». И действительно, в соответствии с источниками, проверить которые у меня еще не было возможности, в Ведах отсутствует концепция человека, состоящего из тела, речи и ума. Если это не было открытием Будды, а судя по всему, оно им не было, тогда откуда он позаимствовал эту концепцию? Единственный источник, откуда он мог перенять ее – и это тот интересный и, возможно, существенный момент, к которому я хотел бы привлечь ваше внимание, – из Зороастрийской традиции, в которой эта же триада занимает исключительно важное место и в которой, как и в буддизме, подчеркивается важность соответствующего троичного очищения.

Этот факт поднимает множество интереснейших вопросов, касающихся взаимоотношений между Индией и Персидской империей, Индией и Центральной Азией, а также влияния зороастризма на

буддизм и буддизма, в свою очередь, на суфизм. Но как бы интересны эти вопросы ни были, мы не сможем их рассмотреть здесь. Поэтому перейдем к нашей следующей теме.

ГЛАВА 4 **Десять Наставлений** **как принципы этики**

Вначале определимся с понятиями. Слово «принцип» в нашем случае будет означать:

а) фундаментальная истина; всеобъемлющая доктрина или законы, от которых происходят все остальные или основываются на них;

б) установленный порядок действий; закон, устанавливающий определенный тип поведения; точка зрения, отношение или убеждение, которое оказывает прямое влияние на жизнь и поведение; правила поведения (обычно – правильного поведения), постоянно направляющее действия человека.

Из сказанного понятно, что значение английского слова «principle» (происходящее от латинского «principium, princeps») имеет много общего с санскритским словом *дхарма* (= *дхамма* (пали), *фа* (кит), *чэс* (тиб)). Дхарма, которую проповедовал Будда, и в которой в виде Второй Драгоценности мы принимаем Прибежище, означает не только фундаментальную истину или реальность всего сущего, проявляющуюся в Просветленном сознании Будды, но и истину или реальность, передаваемую человечеству в виде всеобъемлющего закона или доктрины, определяющей законы поведения, напрямую влияющие на жизнь и поведение дхармачари и дхармачарини, то есть тех, кто практикует Дхарму как истину и Дхарму как праведность. Таким образом, термины «принцип» и «дхарма» имеют двойное значение, имеющее отношение

как к мысли, так и к действию, как к теории, так и к практике. Под этикой обычно понимают «науку о моральном долге» или, в более широком значении, «науку об идеальном характере человека и идеальных результатах его действий». Для рассмотрения нашей темы будем понимать под этикой область знаний, касающихся поведения человека, когда оно связано с представлением о верном и неверном.

Английское выражение «Ten Precepts» («Десять Наставлений») я использовал в качестве эквивалента других различных терминов из санскрита и пали. То, что мы называем Десятью Наставлениями, в канонических источниках встречаются под термином «десять *шил*» (термин, который может быть применим, как мы увидим далее, к более чем одному списку наставлений), а также под терминами «десять *шиксапад*», «десять *кушала-карма-патха*» и т.д. Хочется отметить, что при всем разнообразии терминов, количество пунктов, объединяемых каждым из них, остается неизменным, как и их содержание. И действительно, как мы видели при рассмотрении пятидесяти сутт *Ангуттара-Никая*, являющихся каноническими источниками Десяти Наставлений, то, что мы называем Десятью Наставлениями, встречается под множеством названий, но их содержание остается всегда неизменным. Чаще всего, описывая Десять Наставлений, говорят о воздержании от десяти *акушала-дхарм* и следовании, практике и развитию десяти *кушала-дхарм*.

Кушала – очень важный термин. В широком понимании он означает *умный, толковый* или *искусный* в смысле знания как действовать с пользой, а не наоборот. *Кушала-карма* или искусное действие, таким

образом, означает действие, направленное на достижение, как для себя, так и для других, наилучших результатов в плане счастья, знаний и свободы, то есть действие, выполняемое в состоянии постоянного осознания как закона кармы, так и страдания, изменчивости и иллюзорности, характерных для обусловленного существования, а также блаженства, постоянства и пустотности, свойственных Необусловленному. Из этого следует, что *кушала* – этический термин, поскольку он применим в этике, которая, по нашему определению, касается «поведения человека, когда оно связано с представлением о верном и неверном». Но это еще не все. Термин *кушала* используется при описании поведения человека, когда оно связано с представлением о верном и неверном далеко не только в абстрактном или «сравнительном» смысле. Он применяется в отношении совершенно четкого представления, которому является названием и которое он воплощает, о том, что «правильное» – это все, что способствует Просветлению, а «неправильное» – это все, что не способствует. Поэтому «этика» и «кушала» означают одно и то же. *Кушала* – не просто термин, применяемый в этике. *Кушала* и есть этика.

Мы не остановимся на этом. Тема, которую мы рассматриваем, называется «Десять Наставлений как принципы этики». Мы определили, что наиболее известным термином, определяющим Десять Наставлений, является *десять кушала-дхарм*. Мы также выяснили, что термины «принцип» и «дхарма» имеют много общего, вплоть до того, что они одинаково относятся к мышлению и действию, теории и практике; и что *кушала* совпадает по значению с термином «этичный» и даже «этика». Исходя из этого, должно быть

ясно без дальнейших пояснений, что Десять Наставлений представляют собой принципы этики или этические принципы. Это не правила в узком, буквальном понимании этого слова. Они не применимы к элементарным действиям, хотя, конечно же, могут иметь к ним опосредованное отношение.

Следование Наставлениям представляет собой воплощение обращения к Прибежищу в каждом аспекте существования, то есть полную трансформацию личности, обращающейся к Прибежищу в соответствии с Идеалом, что означает всевозрастающее влияние на ее поведение десяти высоких этических принципов – ненасилия или любви, неприсвоения или щедрости и т.д. Поэтому Десять Наставлений не являются правилами, хотя правила можно устанавливать основываясь на них. Если принимать Наставления тем, чем они на самом деле являются – этическими принципами, в соответствии с которыми мы стараемся реализовать себя в жизни наилучшим образом как результат нашей приверженности Идеалу Просветления, – можно избежать многих неясностей. И Наставления сами по себе тогда вызовут большее вдохновение.

Хотя Наставления – это, безусловно, общие принципы, а не правила, последние, как я уже говорил, в значении правил практики, можно устанавливать на основе Наставлений. Далее, Наставления и в качестве принципов, и в качестве правил, могут передаваться от учителя к ученикам в пределах определенных церемониальных действий. Поэтому теперь перейдем к теме Десять Наставлений как правила практики.

ГЛАВА 5 **Десять Наставлений** **как правила практики**

Значение выражения «правила практики» в приложении к нашей теме будет эквивалентно значению санскритского термина «шикшапады» (пали *сиккхапады*), который также иногда переводят как «моральные заповеди» или даже как «сборник наставлений». Поэтому, говоря о Десяти Наставлениях как о Правилах Практики, мы, на самом деле, говорим о Десяти Наставлениях как о *шикшападах*, так что стоит углубиться в значение этого термина. *Пада* буквально означает «шаг», а в зависимости от применения – «эпизод, сборник, принцип, часть, элемент, характерную черту, ингредиент, предмет, вещь». К нашей теме *пада* ближе всего в значении «предмет», так что если *шикша* означает «практику», то *шикшапада* – «предмет практики». *Шикша* – очень интересное слово, также имеющее несколько значений. Оно происходит от глагольной формы «быть способным» в значении «стремления к состоянию», и поэтому значит «изучение, обучение, искусство, приобретение навыков в чем-либо», а также «наставление, преподавание». В своем значении оно приблизительно эквивалентно английскому слову «education» («обучение, образование»), однако, поскольку оно происходит от латинского корня, означающего «извлекать, черпать», а *шикша* – от санскритского корня, означающего «быть способным», между этими терминами существует некоторое отличие в оттенках значения, в которых,

вероятно, будет небезынтересно разобраться как учителям, так и *шикшавадинам*. Когда мы говорим о Десяти Наставлениях как о *шикшападах*, мы, следовательно, подразумеваем, что их нужно изучить, а это в свою очередь означает, что их *можно* изучить. И действительно, говоря о Наставлениях как о *шикшападах*, и, следовательно, как о том, что можно изучить (а говорят так тогда, когда «принимают» их от учителя), подразумевают свою способность их изучить, то есть способность соблюдать, использовать в повседневной жизни этические принципы, которые, как мы уже показали, и представляют собой Десять Наставлений.

Уделение особого внимания «способности», «изучению» и «практике» по духу очень близко к буддизму. Действительно, широко известная каноническая формула описывает Будду как *пурисадамасаратхи*, «Колесничего, ведущего людей». Кроме того, в Трипитаке сам Будда неоднократно сравнивал духовный рост с постепенным укрощением и воспитанием горячего молодого скакуна (ср. с дзэнским термином «приучение быка к стаду»).

Изучение предполагает наличие обучения, то есть, если кто-то учится, значит его кто-то обучает. Другими словами, так же как учение предполагает существование преподавателя, равно как и ученика, так и наличие практикующего предполагает наличие учителя, а наличие наставлений предполагает наличие наставника. Тот факт, что Десять Наставлений, то есть десять великих этических принципов, являются *шикшападами*, означает, что Десять Наставлений не только нужно изучать (а следовательно, можно изучить), но и что это знание необходимо получать лично от

учителя. Именно потому, что Десять Наставлений «принимаются» в момент вступления в Орден от учителя или наставника, и что содержание Десяти Наставлений получило название *шикшапад*, то есть того, что можно и нужно изучать, – они принимаются не только в качестве этических принципов, правил, которыми следует руководствоваться всю оставшуюся жизнь, но и в качестве принципов, которые необходимо изучить, знания, которое нужно получить от учителя.

Изучение Десяти Наставлений или десяти этических принципов включает в себя множество аспектов. Это прежде всего изучение – в буквальном смысле впитывание – самого духа наставлений, а не только их буквального значения; это также изучение того как применять Десять Наставлений в повседневной жизни, сознаваться в нарушениях Десяти Наставлений и делать из таких нарушений правильные выводы. Это также изучение того как давать и соблюдать обеты, то есть искренние обещания что-либо делать (например, выполнять Пуджу каждый день), или не делать (например, не вступать в половую связь) какое-то время. Безусловно, об этом говорить можно еще очень долго, но у нас мало времени, а впереди еще масса материала, так что давайте перейдем к следующей теме.

ГЛАВА 6 Десять Наставлений как «Мула Пратимокша»

Термин *пратимокша* (пали *пратимоккха*) – один из наиболее интересных и важных терминов Раннего Буддизма или, точнее, того, что многие ученые называют Ранним Монашеским Буддизмом. Несмотря на важность этого термина, до сих пор ведутся дискуссии вокруг его настоящего значения и даже вокруг природы его первоначального значения для буддийского сообщества. Такое впечатление, что Чайлдерс, наряду с многими современными учеными, понимает слово *пратимокша* в значении «связывающий, обязывающий, обязательство», и, соответственно, *prātimoksha* (с длинным ā) – в значении «то, что делает обязывающим». Широко распространено традиционное толкование, по которому оно означает «освобождение от», подразумевая под этим освобождение (*мокша*) от (*прати*) факта нарушения наставлений, которое получает монах, когда сознается в этом на вечернем собрании своей монашеской общины. В традиционном тибетском трактовании, связанным, возможно, с индийскими источниками, *пратимокша*¹⁴ это «индивидуальное освобождение» в смысле самонаказания после самоосвобождения монаха или

¹⁴ Здесь в слове *пратимокша* "прати", скорее всего, применяется в значении *пратьека* (прати + ека) - "для отдельного человека, личный, персональный", как в *пратьекабудда*.

монахини. Каким бы ни было буквальное значение этого термина, и какой бы ни была природа его важности для буддийского сообщества, не подлежит сомнению то, что начиная с самого раннего периода им обозначали свод из 150 правил, которым должен следовать каждый монах, и который составляет основу того списка из 227–263 правил (в зависимости от традиции), регулирующих развитое общежительное монашество. Впоследствии, этот термин также стали применять к уставам всех семи различных социально-религиозных классов, составляющих буддийскую общину. Помимо *бхикшу-пратимокши* существовал *бхикшуни-пратимокша* – устав для монахинь, *пратимокша* для *шикшамана*, или женщин в испытательном периоде, *пратимокша* для *шраманера*, или мужчин-неофитов, *пратимокша* для *шраманерика*, или женщин-неофитов, *пратимокша* для *упасака*, или мужчин-мирян, и *пратимокша* для *упасика*, или женщин-мирянок. Таким образом имелось семь различных *пратимокши*, то есть семь различных сводов правил или наставлений, и хотя между ними, как между *пратимокшами*, и были некоторые различия, многие правила или наставления в них часто совпадали.

В тех частях буддийского мира, где Наставления, то есть *пратимокши* стали подменять собой обращение к Прибежищу как высший объединяющий фактор в буддизме, тот факт, что монахи соблюдали гораздо большее число наставлений (немногочисленные и маловлиятельные монахини не принимаются в расчет), чем мужчины и женщины миряне, соблюдавшие гораздо меньшее их число, означает, что различия между монахами и мирянами были намеренно

увеличены настолько, что единство Буддийской общины было, практически, нарушено. Однако сравнивая различные своды, содержащие из 227-263 наставлений, соблюдаемых монахами, до пяти (иногда восьми), соблюдаемых мирянами, находим, что наставления, соблюдаемые и теми и другими, гораздо более существенны, чем остальные, соблюдаемые только монахами. Мы обнаруживаем также, что некоторые из наставлений, которым следуют только монахи, представляют собой не столько *дополнительные* наставления, сколько а) случаи более строгого следования наставлениям, соблюдаемым мирянами, или б) случаи применения тех же наставлений в определенных, более конкретных ситуациях, в особенности касающихся общежительного монашества.

Также, обращает на себя внимание то, что некоторые из наставлений, соблюдаемые только монахами, не несут в себе существенного этического содержания, связаны с бытовой повседневностью и демонстрируют явный налет социальных отношений, доминировавших во времена Будды или несколько позднее. К сожалению, важность именно этих наставлений слишком часто преувеличивается за счет той части устава *бхикшу*, которая несет в себе ярко выраженную этическую составляющую, например, за счет того, что я называю *«Мула Пратимокша»*, и в результате разделение между монахами и мирянами увеличилось в некоторых буддийских странах настолько, что стало обычным делом говорить о них как о буддистах первого и второго сорта, как в религиозном, так и в духовном смысле.

Если ставить своей действительной целью сохранение духовного единства буддийского сообщества,

необходимо а) бескомпромиссное утверждение верховенства обращения к Прибежищу как основополагающего шага для каждого буддиста; б) радикально сократить число правил, составляющих семь различных *пратимоки*, до тех из них, что действительно представляют этическую ценность и являются общими для всех семи сводов, а также настоятельно требовать действительного следования им. Если различные *пратимокши* «сократить» именно таким образом, все что останется, фактически, и будет Десять Наставлений – и, поскольку они включают в себя три исключительно «ментальных» наставления, Десять Наставлений в результате окажутся более полным сводом, чем все семь *пратимоки* вместе взятых.

Таким образом, Десять Наставлений составляют «Мула Пратимокшу» или «Основополагающую Пратимокшу» как я ее назвал. Это не традиционный термин (хотя вполне мог бы им быть), а мое собственное определение. Оно обозначает Десять Наставлений в смысле десяти важнейших этических принципов, общих для всех практикующих (а других, в принципе, не бывает) буддистов. Если переплавить руду популярной буддийской этики и псевдоэтики, «монашеской» или «мирской», убрать весь шлак и инородные тела, останется сияющий бриллиант, яркое золото, чистый кристалл Десяти Наставлений, то есть останутся десять великих этических принципов, которые, в качестве распространения обращения к Прибежищу на все аспекты существования, призваны направлять и, в конечном счете, изменить человеческую жизнь.

Поэтому Буддийский Орден Триратна отдал предпочтение именно Десяти Наставлениям перед

всеми другими сводами наставлений, независимо от того, были ли они всего лишь упомянуты в некоторых буддийских текстах, или стали частью устойчивой традиции, передаваемой различными школами буддизма. Для Ордена Десять Наставлений, то есть «Мула Пратимокша», являются инструментом достижения «освобождения личности» не только монаха или монахини, но и любого из членов буддийской общины, независимо от образа жизни.

И поскольку существует только один свод наставлений, то есть Десять Наставлений, в Буддийском Ордене Триратна имеется всего одно «посвящение», – посвящение в дхармачари(ни), а это означает, что вступление в Орден не является посвящением в *бхикшу* (монах), *бхикшуни* (монахиня) или в *правраджья* (*ушедший из дома*), в *шраманера* (мужчина-неофит) или *шраманерика* (женщина-неофит), в *упасака* (мужчина-мирянин) или *упасика* (женщина-мирянка), а исключительно в практикующие члены Сангхи или буддийской духовной общины, хотя, безусловно, каждый волен принимать и исполнять любые из правил, которым традиционно следуют монахи, монахини и т.д. Причем, строго говоря, эти правила соблюдают не в *дополнение* к Десяти Наставлениям, а в качестве более интенсивной их практики в контексте определенной ситуации или с определенной целью.

Не будучи *бхикшу*, члены Буддийского Ордена Триратна, не носят желтых одежд *бхикшу*, и, не будучи *упасака*, они не носят их белого одеяния. Они носят обычную «мирскую» одежду, принятую в обществе, к которому они принадлежат, что в свою очередь не

означает, что, не являясь монахами, они в традиционном буддийском смысле относятся к «мирянам».

Таким образом, в след за сокращением числа правил, составляющих семь различных *пратимокш*, до Десяти Наставлений или «Мула Пратимокши», происходит сокращение – или скорее возвышение – различных социально-религиозных групп в пределах буддийской общины до единой, великой Духовной Общины или Махасангхи. Такое сокращение является собой обращение к основам буддизма. И чем-то новым это может показаться только тем, кто их либо игнорирует, либо перестал замечать за более поздними наслоениями.

Как мы установили, рассматривая *Мадджхима-Никая* в качестве одного из источников Десяти Наставлений, Шарипутра и Будда в *Севитабба-асевитабба-сутте* по очереди излагают Десять Наставлений перед собранием монахов или *бхикшу*, причем, наверняка, они не были монахами в полном, принятом позднее, смысле этого слова. Среди пятидесяти сутт собрания *Ангуттара-Никая*, еще одного канонического источника Десяти Наставлений, есть три сутты, в которых описывается следование (или не следование) Десяти Наставлениям женщинами (пали – *матугамо*), женщинами-мирянками и женщинами-мирянками, проживающими дома с верой или без веры ¹⁵. Таким образом мы видим, что Десяти Наставлениям следовали представители различных социально-религиозных классов. Более того, в конце

¹⁵ *The Book of the Gradual Saying (Ангуттара-Никая)*, том 5. Перевод F.L. Woodward, M.A. (Pali Text Society, London 1972), стр. 186

Севитабба-асевитабба-сутты Будда, говоря обо всех учениях, упомянутых в ней, и о Десяти Наставлениях в том числе, произносит следующие слова:

О, Шарипутра! Если бы вся военная знать (санскр. – *кшатрии*), все брахманы, все торговцы (санскр. – *вайшьи*) и рабочие (санскр. – *шудры*) смогли бы понять все значение того, о чем я сейчас сказал, то это на долгое время послужило бы их благосостоянию и счастью.

О, Шарипутра! Если бы весь мир, с *дэвами*, Марами и Брахмами, и все поколения отшельников и брахманов, *дэвов* и людей смогли бы понять все значение того, о чем я сейчас сказал, то это на долгое время послужило бы их благосостоянию и счастью.¹⁶

Тем самым подразумевается, что Десять Наставлений представляют собой нормы этического поведения не только для всех буддистов, не только для всех людей, но и вообще для всех форм жизни, которым присуще самосознание.

Таким образом Десять Наставлений вместе с Тремя Драгоценностями, или Тремя Прибежищами, представляют собой фокус единения всех буддистов. Для буддистов всего мира пришло время придать большее значение всему фундаментальному и объединяющему, а не разделяющему и поверхностному, и в этом отношении Буддийский Орден Триратна занимает лидирующее положение в буддийском мире. Десять

¹⁶ *The Collection of the Middle Length Sayings (Мадджхима-Никая)*, том 3. Перевод на английский I.B. Horner, M.A. (Pali Text Society, London 1959), стр. 104

Наставлений представляют собой свод этических принципов, настолько же ясных, насколько и полных. Не имеет смысла заявлять о следовании большому числу наставлений, зная, что часть из них исполнять не станешь. Подобные действия, к сожалению, не редкие во многих регионах буддийского мира, вызывают крайне деморализующий эффект и подрывают самые основы этической духовной жизни. Поэтому в Буддийском Ордене Триратна Десять Наставлений не только воспринимают как *Мула Пратимокша*, но и обещают исполнять с твердым намерением им действительно следовать, все тщательнее и тщательнее, в качестве выражения все углубляющейся преданности Трем Драгоценностям.

ГЛАВА 7 Десять Наставлений и другие этические нормы

Мы уже рассмотрели Десять Наставлений в качестве *кушала-дхарм*, что, как мы выяснили, означает этические принципы, и в качестве *шикшапад* или правил тренировки, а также в качестве пути или способа совершения искусных действий, равно как и в качестве «*Мула Пратимокши*», как неявно для всех буддистов, так и явно для членов Буддийского Ордена Триратна. И теперь нам осталось определить взаимосвязь Десяти Наставлений с другими этическими учениями, особенно ярко представленными в буддийской литературе и жизни буддистов.

Одним из наиболее важных в этом смысле, является учение о Восьмеричном Пути, с которым Десять Наставлений роднит понятие о трех *скандхах* или «группах», две во многом схожие концепции – три *сампады* или «достижения» и три *шикши* или «совершенствования», а также понятие о трех способах искусного действия. Три группы – это *шила* или этика, *самадхи* или концентрация и медитация, и *праджня* или мудрость. Поскольку первые семь наставлений имеют отношение к телу и речи, они образуют благородную группу *шил* или этических норм, и поскольку в Благородном Восьмеричном Пути этика подразделяется на Совершенные Речь, Действия и Правильные Средства к Существованию, абсолютно ясно, что первые семь наставлений соответствуют третьей, четвертой и пятой составляющим Благород-

ного Восьмеричного Пути. Подобным же образом, поскольку восьмое и девятое наставления касаются той области мыслительной деятельности, которая связана с благородной группой *самадхи* или концентрации и медитации, и поскольку в Благородном Восьмеричном Пути концентрация и медитация подразделяется на Совершенные Усилие, Осознанность и Концентрацию, восьмое и девятое наставления более всего соответствуют шестой, седьмой и восьмой составляющим Благородного Восьмеричного Пути, и наконец, поскольку десятое наставление касается той части мыслительного процесса, которая включает в себя благородную группу мудрости, и поскольку в Благородном Восьмеричном Пути мудрость делится на Совершенные Эмоции и Видение, десятое наставление должно соответствовать первой и второй составляющим Благородного Восьмеричного Пути. Безусловно, все это можно было бы представить гораздо нагляднее при помощи диаграммы.

Как бы там ни было, можно заметить, хоть я и говорил обо всех десяти наставлениях как об этических принципах, в текущем контексте только первые семь из них составляют благородную группу *шила*, или этическую группу. Это противоречие скорее видимое, чем реальное. У термина «этика» есть два смысла – широкий и узкий. Этика в широком смысле – это искусство или наука о поведении человека и его характере, которые оцениваются в сравнении со стандартом или идеалом, и в этом смысле все Десять Наставлений представляют собой этические принципы. Этика как таковая в определенной степени представляет собой религию в ее практическом аспекте. Этика в узком смысле касается внешнего

поведения, тела и речи и, исходя именно из этого, первые семь наставлений соотносятся с благородной этической группой.

Определяя родственную связь Десяти Наставлений с одними сводами этических принципов, необходимо также отграничить их от других сводов с похожими названиями. Имеются в виду Десять Наставлений, которым следуют *шраманера* или новопосвященные монахи, а именно свод правил, состоящий в дополнение к Пяти Наставлениям («воздержание от причинения вреда в сексуальной сфере» заменено на «обет безбрачия») из следующих положений: воздержание от приема пищи в неположенное время; от пения, танцев, исполнения музыки и неприличных представлений; от ношения цветочных гирлянд, использования духов, мазей и украшений; от пользования роскошным ложем и креслом; от ношения золота и серебра. Совершенно очевидно, что эти наставления принципиально отличаются от тех, что составляют вторую половину «*Мула Пратимокши*», и хотя они, безусловно, могут быть полезны и даже необходимы для некоторых людей или в определенных обстоятельствах, они вряд ли имеют основополагающее значение.

ГЛАВА 8 Десять Наставлений и образ жизни

Большинству членов нашего Ордена знаком афоризм «Приверженность первична, образ жизни вторичен». Существует некоторая неопределенность в том, откуда появился этот афоризм и каким образом стал известен членам Триратны. Вполне возможно, его привнес я сам, и это возлагает на меня достаточно большую ответственность, поскольку создается впечатление, что с момента его появления этот афоризм, невинный по сути, стал источником серьезных разночтений и заблуждений. Прежде всего, часто считают, что «вторично» означает «несущественно» или даже «неуместно», при этом афоризм понимается так, что при условии наличия приверженности (то есть приверженности Трем Драгоценностям), образ жизни не имеет значения, а следовательно, ни один из них не может считаться хуже или лучше другого, а попытка представить дело таким образом является признаком нетерпимости. Однако, «вторичный», наверняка, не означает «несущественный». Когда говорят, что приверженность первична, а образ жизни вторичен, имеют в виду, что образ жизни Буддиста, то есть человека, приверженного Трем Драгоценностям, зависит от, или следует из, или является выражением факта приверженности, или, выражаясь более традиционно, факта обращения им к Прибежищу.

Обратимся для ясности к определению термина «образ жизни» в толковом словаре. Согласно Словарю английского языка Коллинза (1979), образ жизни – это «совокупность отношений, верований, привычек или поведения, ассоциируемая с человеком или группой лиц». Поскольку отношения, верования, привычки и поведение могут быть как искусными, так и неискусными, образ жизни, который они собой совокупно представляют, также может быть искусным и неискусным, поэтому не каждый образ жизни может быть олицетворением приверженности Трем Драгоценностям. Отношение между Десятью Наставлениями и образом жизни примерно такое же. Как сами Десять Наставлений являются выражением обретения Прибежища, так и образ жизни является выражением следования Десяти Наставлениям. И тогда можно сказать, что Десять Наставлений первичны, а образ жизни вторичен, хотя, чтобы быть последовательными, можно было бы уточнить, что приверженность – первична, соблюдение Десяти Наставлений – вторично, а образ жизни – на третьем месте, имея в виду, что важность второго определяется тем, насколько оно является выражением первого, а важность третьего – тем, насколько оно является выражением второго. Поэтому, «образ жизни» не означает некий нейтральный образ жизни, который без каких бы то ни было изменений, можно было бы сочетать с достижением Просветления. И, следовательно, образ жизни должен оставаться открытым для критики, то есть буддист не может отвергнуть критику своих отношений, верований, привычек или поведения негодующим возгласом: «Но это же мой образ жизни!», как будто это сразу делает невозможной его критику или обсуждение.

Слово «стиль», вне всякого сомнения, является одним из главных источников путаницы и недоразумений, о которых я говорил. Рассуждая об изобразительном искусстве, можно вполне говорить о стиле барокко или рококо, не имея вовсе в виду, что один из них лучше другого. Подобным же образом в литературной критике можно рассуждать о стиле простом или вычурном, а говоря об издательском деле, – о стилях разных издательских домов, не подразумевая при этом превосходства одного стиля над другим. Но рассуждать так об образе жизни можно только до очень определенного предела. Другими словами, очень немногие виды образа жизни нейтральны по своей сути. Можно вполне говорить о городском образе жизни или о сельском без привнесения в дискуссию их оценки с точки зрения этики, однако вряд ли адекватным будет рассуждение с точки зрения буддизма об образе жизни убийцы или проститутки без их этической критики.

Кратким рассмотрением темы Десяти Наставлений и образа жизни – возможно, несколько менее интересной, чем предыдущие, – мы завершим нашу дискуссию о Десяти Наставлениях в целом, а следовательно, и первую часть этой книги. Я надеюсь, что обсуждение восьми тем, на которые мы поделили нашу беседу о Десяти Наставлениях, помогло углубить наше представление о Десяти Столпах Буддизма в их совокупном великолепии. Во второй части книги мы рассмотрим каждое из Десяти Наставлений в отдельности. Я уверен, что это даст нам возможность рассмотреть каждый из этих столпов в его неподдельном блеске. Как и прежде, я постараюсь избежать несущественных деталей и сконцентрировать

внимание на духовном значении этих великих принципов и на их практическом применении. И я также постараюсь обострить наше восприятие всей красоты и восхитительности Десяти Наставлений, не просто называя эти столпы «бриллиантовым», «золотым» или «хрустальным», но также и объясняя почему каждый из столпов ассоциируется с определенным драгоценным камнем или металлом.

Десять Наставлений
(индивидуально)

ПЕРВОЕ НАСТАВЛЕНИЕ

Принцип воздержания от убийства живых существ, или Любовь

Чем важнее этический принцип, тем вероятнее, что он будет настолько очевидным, что им станут пренебрегать и просто перестанут замечать. Это более чем справедливо в отношении принципа, о котором мы сейчас будем говорить. Безусловно, нельзя убивать людей и даже животных (хотя исключения часто делают для людей другой расы, религии или национальности, а для животных – если они нужны для употребления в пищу или спортивных соревнований, или, если они представляют большую ценность в мертвом виде, чем в живом)! Безусловно, убийство – дурной поступок! Убийство – преступление, грех! Но однажды восприняв это утверждение, большинство людей приходит к заключению, что поскольку они никогда лично никого не убивали и вряд ли совершат это в будущем, эта тема их не касается и они могут спокойно продолжать жить, не думая об этом. Даже буддисты иногда считают, что раз они всё равно следуют Первому Наставлению, им нечего думать об этом. Ведь существует гораздо более интересные и важные аспекты Дхармы, а такие простые и очевидные истины, как Первое Наставление, можно вполне оставить для людей скучных и необразованных, а самим с головой окунуться в секреты Тантры и тайны Дзэна.

Но на самом деле, Первое Наставление нельзя трактовать таким образом. Принцип воздержания от убийства живых существ, или любовь, в действительности заложен глубоко в нашей жизни, социальной и духовной, и его ответвления не только очень многочисленны, но и крайне важны. В контексте буддийских Десяти Наставлений он представляет собой наиболее важное проявление духовного и экзистенциального акта обращения к Прибежищу. Более того, этот принцип находит свое выражение тем или иным образом в большей или меньшей степени не только в Первом Наставлении, но и во всех остальных. Именно поэтому он должен привлечь наше пристальное внимание.

Давайте начнем с более точного рассмотрения принципа «Воздержания от убийства живых существ» или, в позитивном варианте, «Любви». (Если представить каждое из наставлений в виде столпов из бриллиантов, золота, хрусталя и т.д., то их яркие и темные стороны в солнечном свете будут соответствовать положительным и отрицательным формулировкам соответствующих наставлений.) Хотя слово *атипата* буквально означает «убийство», слово *панатипата* (я буду использовать для удобства палийские термины) в действительности означает разрушение жизни, лишение жизни, убийство. Но с чего бы нам считать убийство чем-то не правильным? Одно из объяснений состоит естественно в том, что, будучи воплощением определенного состояния сознания, вызванного алчностью, ненавистью и неведением (или как минимум двумя из этих факторов), убийство представляет собой неискusstное действие в том смысле, что оно вызывает страдание у исполнителя

и преграждает ему путь к обретению просветления. Но данный вопрос можно рассмотреть и глубже. Говоря в целом, убить живое существо означает причинить ему величайшее страдание или зло, ведь поскольку жизнь как таковая является величайшим добром, следовательно, величайшим страданием или злом, которое может постичь человека, будет лишение его жизни.

Человек может причинить другому то, что он считает злом, только пойдя против воли другого, иными словами, причинение зла возможно только при применении силы или насилия (*химса*), при этом имеется в виду не только физическая сила, но также шантаж и обман. В действительности, насилие состоит в том, что мы причиняем другому то, что он не хочет, чтобы мы совершали с ним. Поскольку последнее, что он хотел бы, чтобы над ним совершили, это – лишили жизни, то есть величайшего добра, выше которого для него ничего нет, убить его – означает применить против него величайшее насилие из всех возможных. Естественно, наше желание не расставаться с жизнью ничуть не больше его желания, поэтому убийство его представляет собой не просто крайнюю степень насилия, а также полное отрицание общности одного живого существа с другим, а говоря о людях – одного человека с другим. Ненасилие (*ахимса*) является главным правилом религии *парамам дхармам*, потому что насилие (*химса*) является нижайшим принципом неверия (если не принимать во внимание определенные изощрения, рожденные извращенным воображением некоторых монстров несправедливости) и наиболее крайней из форм, которые неэтическое поведение может принять. Насилие и убийство на

самом деле тесно связаны, при этом убийство представляет собой крайнюю степень насилия и, в определенном смысле, его логическое следствие. Поэтому Первое Наставление часто рассматривают как воздержание от насилия, хотя, поскольку убийство в любом случае предполагает насилие и поскольку, как мы уже говорили, палийское слово *панатипата* означает уничтожение жизни, это наставление, видимо, лучше трактовать как воздержание от убийства.

Как бы там ни было, более глубокое значение Первого Наставления заключается в том, что убивать неправильно, потому что убийство представляет собой крайнюю форму отрицания одним эго другого, или самоутверждения одного эго за счет другого, и которая может, как это не парадоксально, принимать черты самоотрицания. Убийство равносильно полному отрицанию Золотого Правила, а без Золотого Правила не может быть ни общества, ни культуры, ни духовной жизни. В буддийском варианте Золотое Правило представлено двумя широко известными стихами из *Дхаммапады*:

Все дрожат перед наказанием, все боятся смерти –
поставьте себя на место другого.

Нельзя ни убивать, ни понуждать к убийству.

Все дрожат перед наказанием, жизнь приятна для
всех – поставьте себя на место другого.

Нельзя ни убивать, ни понуждать к убийству.¹⁷

В негативной форме Золотое Правило звучит так:
«Не стоит делать другим того, чего бы ты не хотел,
чтобы они сделали тебе». То же самое можно

¹⁷ *Дхаммапада*, строфы 129-130 (перевод автора)

представить и в положительной форме: «По отношению к другим стоит поступать так, как хотелось бы, чтобы поступали с тобой». (По версии Джорджа Бернарда Шоу, «Не делай другим то, что ты хотел бы, чтобы они делали для тебя. У вас могут быть разные вкусы», однако это всего лишь подчеркивает тот факт, что главное – не буква, а дух Золотого Правила.) Как воздержание от убийства представляет собой Золотое Правило в его негативной форме, так возвращение любви – это его положительная форма. Как изящно выразился Шелли:

Любовь – вот суть всякой нравственности; любовь, то есть выход за пределы своего «я» и слияние с тем прекрасным, что заключено в чьих-то, не наших, мыслях, деяниях или личности. Чтобы быть истинно добрым, человек должен обладать живым воображением; он должен уметь представить себя на месте другого и многих других; горе и радость ему подобных должны стать его собственными.

Это представление себя на месте другого является ничем иным как «сравнением [других] с собой», о чем и говорит *Дхаммапада*. В своей книге *Бодхичарья-аватара* или «Путь Бодхисаттвы» Шантидева предлагает, возможно, наиболее возвышенное описание этого же принципа во всей буддийской литературе. Вслед за описанием того как размышления о преимуществах одиночества помогают избавиться от тщеславия и утвердиться в Мысли о Просветлении (укрепить волю к его обретению), он говорит:

Прежде всего старательно созерцай
Равенство себя и других, думая:
«Все существа в равной мере ощущают страдание
и счастье.

Должен я защищать их, как себя самого».

Тело, поделенное на руки и прочие члены,
Оберегают как единое целое.
Так же оберегай и мир, поделенный на отдельных
существ,
Но единый в своем счастье и страдании.

Мое страдание
Не причиняет вреда телам других существ.
Но для меня оно невыносимо
Из-за привязанности к собственному «я».
Подобным образом я не могу ощутить
Страданий другого.
Но для него оно невыносимо
Из-за его привязанности к собственному «я».

Должен я избавить других от страданий,
Ибо их страдание от моего не отлично.
Должен я помогать другим,
Ибо они — существа такие же, как и я сам.

Если и я, и другие
В равной мере желаем счастья,
То что особенного во мне?
Почему я добиваюсь счастья для себя одного?

Если и я, и другие
В равной мере страшимся
страданий, То что особенного во
мне?
Почему я оберегаю себя, а не других?

Если я их не берегу [от страданий],
Потому что их муки мне не приносят вреда,
Тогда зачем беречь себя от будущего страдания,
Ведь [сейчас] мне оно не вредит?

Неверно думать:
«Именно мне достанется [грядущее страдание]»,
Ибо один человек умирает,
И совершенно другой рождается.

Ты думаешь, что страждущий
И должен оберегать себя от страданий.
Но ведь боль в ноге — это не боль в руке,
Почему же рука защищает ногу?

Ты говоришь: «Хотя это неразумно,
Это совершается из-за цепляния за «я»».
Но неразумное для себя и других
Следует всеми силами отвергать.

Поток психики, подобный четкам,
И собрание элементов, подобное армии, —
нереальны.
А раз страдающего [«я»] не существует,
Кому страдание может принадлежать?

Если нет страдающего [«я»],
То и не может быть разделений [на «мое» и «чужое»
страдание].
Страдание следует устранить просто потому, что
оно существует.
Разве могут здесь быть какие-то ограничения?

«Зачем предотвращать страдание всех существ?»
Здесь не о чем спорить.
Если его устранять, то устранять полностью,

А если нет, то не следует устранять ни своих, ни чужих страданий.¹⁸

Приведенный отрывок иллюстрирует, так называемую, практику уравнивания себя с другими (*паратмасамата*) и замещение себя другими (*паратмапаривартана*). Блэйк приводит сжатое определение этого же принципа следующим образом: «Наиболее возвышенное действие – поставить кого-то превыше себя». В любом случае, Любовь, то есть позитивная форма Первого Наставления, – является не просто легким чувством, а энергичным выражением умозрительной идентификации себя с другими существами, независимо от того, станем ли мы ее рассматривать с точки зрения сравнения себя с другими, или замещения себя другими. На самом деле, слово «Любовь», в значении противоположности убийству и насилию, звучит слишком слабо, и даже слово *майтри* (пали *метта*) не в полной мере соответствует этому значению. В той же степени, в какой *убийство* означает полное отрицание сущности человека, «Любовь» (слово, которым мы вынуждены пользоваться) должна выражать ее максимальное утверждение. Это не эротическая любовь, не родительская любовь и не любовь по отношению к другу. Если это вообще можно назвать любовью, то это лелеющая, оберегающая, нарастающая любовь, оказывающая на духовную жизнь человека такое же воздействие, как свет и тепло Солнца – на его тело.

¹⁸ Из *Бодхичарья-аватара*, Шантидева (перевод Ю. С. Жиронкиной)

Такого рода «Любовь», безусловно, встречается довольно редко. Гораздо чаще приходится иметь дело с насилием, хотя и оно обретает форму убийства только в исключительных случаях. Иными словами, люди гораздо чаще действуют с позиции силы, чем руководствуясь любовью. Но что такое сила? В нашем контексте, сила просто подразумевает способность использовать насилие для угнетения другого человека, в целом или частично. Действовать с позиции силы, таким образом, означает отношение к другим живым существам с применением насилия, угнетая их, а не поддерживая. Действие с позиции любви – по сути, противоположно этому. Поскольку любое живое существо, включая человека, способно использовать силу (в определенном объеме), оно обладает властью (в соответствующем объеме). Человек обладает большей властью, как материальной, так и умственной, чем любое другое существо, как по отношению к себе подобным, так и по отношению к представителям других видов.

С этой точки зрения, следование Первому Наставлению означает, что в результате умозрительной идентификации себя с другими, мы стараемся не только воздерживаться от убийства живых существ, но и поступать, руководствуясь все больше любовью и все меньше желанием задействовать силу. И таким образом в нас происходят глубочайшие перемены, способные сместить, образно говоря, наш центр тяжести, и эти перемены являются проявлением не только следованию Первому Наставлению, но также и всем остальным Наставлениям, в той степени, в какой это позволяет их индивидуальная природа.

Даже самому преданному последователю Первого Наставления будет крайне трудно сразу начать

руководствоваться в своих поступках принципом любви и полностью отречься от действия с позиции силы. Только выдающиеся личности могут заставить любовь действовать, но даже они не всегда находят возможным, и даже желательным, руководствоваться этим принципом. В связи с этим, можно определить два важных положения:

Всякий раз, когда приходится задействовать силу, сила всегда должна подчиняться любви. Простым повседневным примером этого может служить поведение родителей, которые из любви к своему ребенку применяют силу, чтобы предотвратить его действия, которыми он способен себе навредить;

Члены Духовной Общины не могут действовать с позиции силы, так как Духовная Община, будучи по природе своей добровольным объединением свободных людей, разделяющих определенные общие цели, основана на принципе любви.

Это означает, что если член Ордена забудется настолько, что применит по отношению к другому члену Ордена силу или насилие, он тем самым ставит себя вне Духовной Общины и, фактически, прекращает быть членом Ордена. Насильственные действия между членами Ордена, таким образом, наиболее серьезное нарушение единства и солидарности Ордена, какое только можно представить, тогда как важнейшими средствами укрепления этого единства и солидарности являются мысли, слова и действия, продиктованные любовью.

Кроме того, чтобы использовать метод силы только в пределах ограниченных любовью, члены Ордена должны изо всех сил стараться переключаться от применения силы к любви как можно большим числом

различных способов, и стараться применять Принцип воздержания от убийства живых существ, или Принцип Любви, во всех аспектах своей жизни, как коллективно, так и индивидуально. Следование Первому Наставлению, естественным образом приведет к вегетарианству, отказу от аборт, а также помощи и содействию в их выполнении, заботе об окружающей среде, сопротивлению производству и применению не только ядерного оружия, но и всех других видов вооружения, и ко многим другим результатам.

Следование Первому Наставлению не заключается исключительно в выполнении или невыполнении определенных действий. Ненасилие или Любовь представляет собой принцип, и число способов применения этого принципа практически не ограничено. Никто из живущих не является настолько искусным в своем поведении, что его следование ненасилию, или Любви, не могло бы стать еще хуже, и никто не является настолько искусным, что его следование этому принципу не могло бы стать лучше. Поэтому потенциальные возможности ненасилия, или Любви, в качестве прямого проявления обращения к Прибежищу, бесконечно.

Говоря о материале, из которого возведены столпы соответствующих наставлений, столп Первого Наставления создан из бриллиантов. Потому что бриллиант ценится более всех других драгоценных камней и его можно придать огранке для достижения несравненного сияния. Кроме того, это еще и наиболее твердый из известных материалов, и это подчеркивает тот факт, что любовь «сильнее» силы и способна «превозмочь» силу во всех ее проявлениях.

ВТОРОЕ НАСТАВЛЕНИЕ

Принцип воздержания от взятия того, что не отдано по доброй воле, или Щедрость

Так же как предметом Первого Наставления является далеко не только воздержание от убийства, хотя негативная форма этого наставления и выражается этими словами, Второе Наставление говорит о гораздо большем, нежели просто о воздержании от воровства, и его негативная форма в данном случае ясно на это указывает. *Адиннадана верамани* буквально означает «воздержание (*верамани*) от присвоения или захвата (*адана*) того, что не отдано по доброй воле (*адинна*). Другими словами, нельзя брать или присваивать то, что другой не предлагает по доброй воле. Поскольку насилие представляет собой действие по отношению к другому, нежелательное с его точки зрения, присвоение не-данного (не предлагаемого) является формой насилия. Это насилие, причиненное не по отношению к личности, как в случае нанесения телесных повреждений, а по отношению к собственности, хотя насилие по отношению к собственности опосредовано является насилием по отношению к личности, так как собственность по определению принадлежит конкретной личности. Сразу же возникает множество вопросов относительно прав собственности, но я коснусь их ниже.

Поскольку присвоение не предлагаемого является формой насилия, все что было сказано ранее о применении силы и насилию в контексте Первого

Наставления – включая сказанное о Золотом Правиле, позиции силы и позиции любви – можно отнести и ко Второму Наставлению. Поэтому мы не станем уделять Второму Наставлению столько же времени сколько Первому. Я лишь позволю себе несколько замечаний, после того как мы поговорим о Щедрости, позитивной форме Второго Наставления, относительно трех отдельных моментов, касающихся следованию этому наставлению, а закончим, поговорив вкратце о праве собственности.

В «Песне о себе», в самом начале «Листьев травы», Уолт Уитмен восклицает:

Видите, я не читаю вам лекций,
Я не подаю скудной милостыни:
Когда я даю, я даю себя.

Эти строки иллюстрируют различие между Любовью в том смысле, в каком этот термин применим при описании Первого Наставления, и Щедростью в том смысле, в каком это слово использовалось при описании Второго. Любовь отдает саму себя, то есть Любовь – это добровольная передача самого себя другому или, если хотите, сдача одного человека другому (под «сдачей» имеется в виду полный отказ от использования преимущества, которое предоставляет позиция силы). Щедрость – это передача своей собственности другому и является выражением Любви. На самом деле, если Любовь представлена во всей своей полноте, понятие Щедрости теряет свой смысл, поскольку Любовь в своем высшем проявлении не совместима с чувством обладания и, следовательно, с собственностью, при этом речь уже идет не о Щедрости, а скорее об общем владении или общей собственности.

В одном из своих стихотворений Шекспир дает непревзойденное описание парадоксального проявления такой взаимной «Щедрости». (Когда я готовил эту книгу, я понятия не имел, что поэтам есть что сказать на эту тему, и что я стану цитировать их так обильно). Говоря о взаимной любви Феникса и Черепахи, он утверждает:

Сердца – в отдаленье, но, всё же – едины,
Само расстоянье над ними не властно...
Слилась черепаха в огне сердцевины
С душой королевой... и это прекрасно...

Любовь между ними сияла такая,
Что в пламени взгляда волной отражаясь,
Терялась от чувств черепаха морская,
Сгорая, как Феникс... и вновь возрождаясь...

И свойство зависло в плену отторженья,
Привычное эго застыло в руинах,
Природа единства в двойном обрамленьи,
Но, всё же, не двойственна и не едина...

И разум смущённо погряз в размышленьях,
Увидев, как целым раздельное стало;
Себя потеряв, став частицей теченья,
Так чудно простое сложнейшим восстало...¹⁹

Для буддистов гораздо большее значение имеет не раздельное, кажущееся «целым», а все Духовное Сообщество, таковым являющееся. В своем высшем проявлении, как в случае Бодхисаттвы, Щедрость достигает состояния, когда дающий, принимающий и

¹⁹ Перевод С. Шиманской

сам дар перестают быть различимы. Именно такая Щедрость является позитивной формой Второго Наставления и составляющей, в контексте, так называемых имущественных отношений, позитивной формы Первого Наставления, то есть Любви.

Хотелось бы выделить три момента, связанных с вопросом следования Второму Наставлению, которые касаются случаев присвоения не предлагаемого, не описанных в буддийской традиции, а также передаваемого в качестве благодарности либо при возврате долга.

Второе Наставление, равно как и все остальные, является, прежде всего, этическим *принципом*, а из этого следует, что мы не должны слепо следовать тем способам его применения, которые описаны в классических буддийских текстах. Ограничивая себя подобным подходом, мы ввергаем себя в этический формализм, а этический или псевдоэтический формализм – один из величайших врагов буддизма и духовной жизни вообще.

Среди различных форм присвоения не предлагаемого, не упоминаемых, насколько мне известно, традиционным буддизмом (по крайней мере, воздержание от которых не привязывается явно ко Второму Наставлению), – отнятие времени или энергии у другого человека вопреки его воли. Мы отнимаем время у другого, когда заставляем его уделять нам внимание в то время, когда его ждет работа, или когда заставляем выслушивать себя, чего он, возможно, совсем не хочет делать. Эта форма *адиннаданы*, или присвоения не предлагаемого, является постоянной составляющей современной общественной жизни (а также, если верить Горацию, и общественной жизни

древности). Буддисты должны стремиться избегать ее, как в самой Духовной Общине, так и за ее пределами.

Присвоение энергии, или жизненной силы, другого человека против его воли тесно связано с присвоением времени, но является еще более разрушительным. В этом случае принудительное выслушивание чьих-то жалоб, аргументов, тирад и т.д. в конечном счете, приводит к состоянию физической протрации, эмоционального истощения, а иногда и к нервному срыву. Доведя таким образом человека до полного истощения, часто произносят, обращаясь либо к жертве, либо к кому-то другому: «Я получил большое удовольствие от нашей маленькой беседы». Энергетические вампиры такого сорта очень часто не замечают ущерба, который они наносят, и не понимают, что они, как буддисты, нарушают положения Второго Наставления, а возможно, и Первого тоже. Это не означает, что нельзя отнимать время и энергию у другого, и доводить его до истощения, если это действительно необходимо и если отнимающий сам готов делиться своим временем и энергией в той же мере. Это подводит нас к понятию *благодарности*.

Когда получаешь что-то крайне необходимое, особенно если это было предложено добровольно, без принуждения, – естественной человеческой реакцией будет благодарность. Если благодарности не чувствуешь, значит что-то не так. Или потребность сама по себе носит болезненный или даже невротический характер и, следовательно, не может быть удовлетворена в принципе (вряд ли можно испытывать благодарность за неиспытанное удовлетворение), или отнимающий стремится к обладанию

независимо от доброй воли дающего. Истинную благодарность ощущают, только получая от другого истинно необходимое и по его доброй воле. Следовательно, благодарность способна ощутить только взрослая и цельная личность, то есть подлинная личность, а подлинные личности не только испытывают благодарность, но и выражают ее. Хочется отметить, что выражение благодарности в последние годы становится все более обычным для Буддийского Ордена Триратна и Буддийской Общины Триратна. И это действительно очень хороший знак. Раньше, едва ли можно было услышать слова благодарности в течение года. Теперь мне приятно отметить, что благодарность слышится, если не каждый день, то как минимум два–три раза в неделю.

Связь между долгом и Вторым Наставлением не всегда очевидна. Целенаправленные действия по изъятию долга, например, денежного, у должника, который в этих деньгах в данное время нуждается, могут считаться получением не предлагаемого и, следовательно, насилием. С другой стороны, не освободившись от долга, нельзя практиковать *дану*, то есть проявлять Щедрость, поскольку так называемая *дана* в этом случае будет заключаться в том, чтобы ограбить Петра и отдать награбленное Павлу, а сам Павел, если будет знаком с ситуацией, становится практически обладателем награбленного. Однако в этом контексте понятие долга не включает в себя банковский кредит, который должен быть выплачен к определенной дате, и проценты по которому выплачиваются в настоящее время. Но оно, безусловно, включает в себя задолженность перед друзьями, как в форме денег, так и форме товаров или услуг, а также долги перед продавцами,

консультантами и государством. Именно поэтому мы просим будущих членов Ордена избавиться от всех долгов перед вступлением, поскольку в противном случае, следование ими как минимум одному из наставлений будет нарушено с самого начала.

В пределах самого Ордена, то есть между его членами, как в индивидуальном, так и в коллективном понимании, вопрос о том, чтобы присвоить не предложенное, а следовательно, и вопрос о задолженности в обычном смысле слова, даже не поднимается, поскольку, хотя члены Ордена и не хранят обычно свои вещи вместе, все же общепринято, что в Духовном Сообществе идеальной является общественная форма собственности. В любом случае, искренне следуя Второму Наставлению, все члены Ордена глубоко проникнуты идеей Щедрости и Необходимости Делиться, и стараются следовать ей в отношениях между собой.

Здесь нужно разобраться в понятии права собственности. По Прудону, «собственность есть воровство», но это утверждение не слишком помогает нам проникнуть в сущность понятия. Если обладание собственностью приравнивается к воровству, то нет никого, кто не был бы вором, поскольку нет ни одного человека, достигшего совершеннолетия, который не обладал бы какой-нибудь собственностью, а потому вопрос собственности – в самом общем его понимании, равно как и в каком-либо другом – вряд ли может быть решен сообществом воров. Так что начнем с самого начала. Не вызывает сомнения тот факт, что собственность распределяется неравномерно, в том смысле, что она не распределяется в соответствии с подлинными нуждами людей. Что мы можем с этим

поделать? Для буддиста решение заключается в комбинации Силы и Любви, причем Сила, естественно, должна быть руководима Любовью. В демократической стране более равномерное распределение собственности или богатства достигается посредством выборных органов методом насильственной экспроприации материальных ценностей большинством у меньшинства, равно как и посредством пропаганды как можно более глубокого понимания и эффективного применения принципа Щедрости и Необходимости Делиться. Последнее, о чем вряд ли есть смысл напоминать, является прямой обязанностью таких организаций как Буддийский Орден Триратна. Это, пожалуй, все, что я могу сказать по этому поводу. Тема права собственности очень объемна, но в этом контексте, безусловно, мы не ошибемся, если будем следовать принципам Щедрости и Необходимости Делиться сами, и поддерживать других в следовании им.

Поскольку золото – наиболее ценный из всех металлов и является эквивалентом при заключении коммерческих сделок – Второе Наставление назовем золотым столпом. «Жёлтое сверкающее золото», как его называет Шекспир, – самый ковкий и пластичный металл, и поэтому наилучшим образом соответствует требованию приспособляемости к нуждам человека, выражаемому позитивной формой Второго Наставления – Щедростью. Золото устойчиво к воздействию температуры, влаги и большинства едких веществ. Подобно ему Щедрость не должна подвергаться влиянию обстоятельств, при которых она проявляется, а также неблагодарности со стороны ее объекта.

ТРЕТЬЕ НАСТАВЛЕНИЕ

Принцип воздержания от причинения вреда в сексуальной сфере, или Спокойствие

Понять Третье Наставление и особенно его позитивную форму – Спокойствие – гораздо легче, если рассматривать его с точки зрения традиционной буддийской космологии. Эта космология дает нам картину вселенной, состоящей из трех ярусов. Мирское существование делится на три горизонтальных уровня, среди которых второй находится выше первого, являясь более чистым, позитивным, благим и светлым, а третий – выше второго. Эти три «уровня» (или слоя, мира, сферы – терминология часто варьирует) таковы: мир чувственных желаний (*кама*), мир архетипических форм (*рупа*) и мир отсутствия архетипических форм (*арупа*). Мир чувственных желаний включает в себе (в восходящем порядке) ад, мир голодных духов, мир демонов-асуров или богоборцев, мир животных, мир людей и мира (низших) божеств – от четырех великих царей (или божеств четырех сторон света, как их еще называют) до богов, контролирующих создание других богов. Мир архетипических форм состоит из шестнадцати подуровней, начиная с небес, где находятся боги, окружающие Брахму, и заканчивая пятью «чистыми обителями», в которых проживают Невозвращающиеся, то есть возвышенные одухотворенные существа, развившие в себе трансцендентальную пронизательность до такой степени, что смогли разорвать все пять оков, привязывавших их к уровню

чувственных желаний, устранив тем самым самую возможность там переродиться. Третий уровень, или мир отсутствия архетипических форм, состоит из четырех подуровней, и все они населены Брахмами, духовными существами, высших даже по отношению к богам, хотя иногда их и причисляют к ним.

Можно много говорить об этих трех уровнях (мирах) обусловленного существования, однако все, что интересует нас в данный момент, это тот факт, что на уровнях архетипических форм отсутствует половой диморфизм, то есть отсутствует разделение на мужчин и женщин, а существа, населяющие уровни, являются, говоря современным языком, андрогинными. Половой диморфизм, или разделение на мужчин и женщин, имеется только на уровне чувственных желаний, включая, естественно, и мир людей. Поскольку духовная жизнь состоит, с объективных или космологических позиций, в прогрессе от более низких к более высоким уровням и мирам, духовная жизнь также состоит в прогрессивном переходе из состояния биологического и психологического полового диморфизма к состоянию духовной андрогинности. Более того, поскольку состояние полового диморфизма характеризуется поляризацией, напряжением и проецированием, оно неотвратимо приводит к неудовлетворенности. Для состояния же духовной андрогинности, напротив, характерны гармония, расслабленность и удовлетворенность. Поэтому следование Третьему Наставлению означает не просто воздержание от многочисленных, широко известных форм причинения вреда в сексуальной сфере, но и, что гораздо более важно, означает переживание

Спокойствия, то есть «вертикальным» (в отличие от «горизонтального») соответствием такого воздержания.

В медитации состояние полового диморфизма исчезает. В состоянии медитации человек на время перестает быть мужчиной или женщиной. Это происходит потому, что во время медитации, если рассматривать ее как *саматха-бхавана*, или «развитие покоя», человек проходит сквозь более высокие состояния, или *дхьяны*, и эти высокие состояния сознания являются субъективными и психологическими соответствиями различных подуровней архетипического и не-архетипического уровней. Во время медитации, переживая *дхьяны*, человек преображается в *дэву* (небожителя) или Брахму. Говоря языком западной духовной традиции, он уподобляется ангелу и ведет ангельскую жизнь, а ангелы по своей природе андрогинны. Не случайно санскритское слово *брахмачарья* (пали *брахмачария*), которое мы переводим как «безбрачие» или «целомудрие», на самом деле означает поступать, практиковать или жить как Брахма, то есть не просто воздерживаться от сексуальной активности, но преодолеть половой диморфизм – основу сексуальной активности и влечения.

Поэтому деятельность Ваджралюки, нашего ретрит-центра и центра медитации в Северном Уэльсе, посвящена не только медитации (*дхьяна*), но также и целибату (*брахмачарья*). Медитация и целомудрие неразрывны, они усиливают друг друга. Именно по этой причине мы настоятельно советуем размещение по половому признаку. Это делается не просто с целью устранения самой возможности причинения вреда в сексуальной сфере, но также и для того, чтобы дать как

мужчинам, так и женщинам, возможность отдохнуть от напряжения сексуальной поляризации, и шанс возвысится над ней хотя бы на несколько мгновений, и почувствовать себя просто человеком и, в определенном смысле, личностью. Для того, кто хочет развиваться как настоящая личность и продвигаться по пути к Просветлению, медитация и любая деятельность в однополом окружении, абсолютно незаменима, если, конечно, еще не достигнуто состояние трансцендентальной проницательности.

Из всего сказанного также следует, что не только не достаточно воздерживаться от причинения вреда в сексуальной сфере, не только нужно испытывать спокойствие, но также не следует рассматривать себя в качестве мужчины или женщины в абсолютном значении этого слова. Ведь в соответствии с традиционным буддийским учением, в ходе безначальной череды существований, каждый множество раз был и мужчиной и женщиной. Возможно, кто-то на этом пути когда-то был даже божеством – андрогинным существом. В свете сказанного было бы достаточно странно воспринимать и чувствовать себя мужчиной или женщиной на веки вечные только потому, что в текущем существовании довелось родиться человеком того или иного пола.

Перестав в некоторой степени воспринимать себя мужчиной или женщиной в абсолютном понимании, в той же степени перестаешь говорить и действовать, как если бы был мужчиной и только мужчиной, или женщиной и только женщиной, то есть перестаешь вести себя тем сексуально ультра-поляризованным образом, который в буддизме представлен в виде мужских и женских *асур*. Мужские *асуры* свирепы,

агрессивны и отвратительны, как орки из «Властелина колец». Женские *асуры* сладострастны, соблазнительны и невероятно красивы, они пожирают мужчин, имевших несчастье попасть в их объятия. Что творят мужские *асуры* с женщинами, традиция нам не рассказывает, но это не сложно представить. У членов Буддийского Ордена Триратна нет никакого желания уподобляться *асурам* любого пола.

Это вовсе не значит, что различия, определяемые полом, можно просто «стереть» или игнорировать, или, что можно попросту делать вид, что их нет. Не стоит путать немощную и бесцветную однополость, стремящуюся нивелировать половые различия, с идеалом духовной андрогинии. Кастрат – не ангел, хотя в некоторых произведениях христианского искусства это представлено по-иному. Здесь, как и в духовной жизни вообще, требуется не отрицание, а преобразование, не уклонение, а движение вперед. В свете Третьего Наставления и в особенности его положительного определения – спокойствия, это – движение вперед от абсолютной идентификации с определенным психофизическим полом к относительной и преходящей идентификации с ним, а затем, от относительной и преходящей – к избавлению от идентификации вообще. Осознав это, при помощи традиционной буддийской космологии или без, мы придем к более глубокому пониманию Третьего Наставления, а потому сможем следовать ему гораздо более уверенно. И теория и практика станут полностью ясны и прозрачны.

Они станут прозрачны как хрусталь, так как Третье Наставление – столп из хрусталя. Потому что хрусталь чист, прозрачен и светел, он бесцветен, с легким оттенком розового или голубого.

ЧЕТВЕРТОЕ НАСТАВЛЕНИЕ

Принцип воздержания от лживых речей, или Правдивость

Прежде чем мы детально рассмотрим это наставление, позвольте мне сделать несколько общих замечаний относительно всех четырех наставлений, связанных с речью, вместе взятых. Первое, что бросается в глаза, это то, что их так много. Хотя, будучи сама по себе отдельными «вратами», речь настолько же важна, как тело и сознание, она в гораздо большей степени заслуживает разделения на четыре аспекта, рассматриваемых в четырех различных наставлениях, чем убийство и присвоение не предлагаемого. Речь имеет большее значение, это очевидно. Как основной способ передачи информации между людьми, она играет социальную роль в развитии человечества, в то время как в качестве носителя той системы самовыражения, которую мы называем языком, речь (равно как и сам язык) является одной из черт, отличающих человека от других животных.

В буддизме речь имеет такое большое значение потому, что она занимает положение между телом и сознанием, или между действием и мыслью, не будучи при этом ни выше ни ниже того или другого. Именно из-за ее промежуточного положения, речь так важно контролировать и, собственно, по той же причине ее контролировать так трудно. Контролировать речь важно, так как она в определенном смысле представляет собой вид действия, а именно, вид явного

действия, проявляющийся во внешнем мире и имеющий важные последствия, как для говорящего, так и для других. Как сказано в *Дхаммапада* относительно одной из форм неискусной речи:

Ни с кем не говори грубо;
те, с кем ты говорил грубо, ответят тебе тем же.
Ведь раздражённая речь – неприятна,
и возмездие может коснуться тебя.²⁰

Речь так тяжело контролировать потому, что она, не являясь мыслью как таковой, в действительности настолько ассоциируется с ней самим говорящим (ведь речь является озвученной мыслью), что ему бывает сложно осознать, что сказанное вызывает совершенно реальный эффект во внешнем мире и, соответственно, должно быть контролируемо. Несомненно, именно по этой причине формат Десяти Наставлений содержит целых четыре наставления, касающихся речи, из десяти, в то время как в формате Благородного Восьмеричного Пути речи отведен только один «пункт» (хотя, конечно же, и здесь он разделен на четыре части).

Буддийская традиция указывает, что речь можно контролировать, уделяя постоянное внимание тому, что «выходит из врат», а также соблюдая время от времени периоды молчания. (В буддизме не приемлемы обеты полного молчания, поскольку это препятствует распространению Дхармы).

У подавляющего большинства людей поток речи носит настолько постоянный и непрерывный характер,

²⁰ *Дхаммапада*, строфа 133 (перевод В. Н. Топорова, редакция Ю. Н. Рериха)

и находится в такой степени под влиянием неискусных факторов сознания, часто подсознательных, что все четыре наставления, связанные с речью, нарушаются ежедневно множество раз. Поэтому буддисты должны быть особенно осторожны именно с речью.

«Воздержание от лживых речей» без «Правдивости» можно практиковать, только отказавшись от использования речи вообще. Но воздержание от лживых речей никоим образом не достаточно. Как и всем остальным Наставлениям, Четвертому необходимо следовать как в его положительном, так и в отрицательном варианте. И когда говорят, что речь важна, поскольку является главным носителем информации между людьми, то, безусловно, имеют в виду речь правдивую и только правдивую.

Неправдивая речь не может быть средством общения, так как в любом обществе, где неправдивая речь доминирует, нарушается передача информации. Без правдивой речи невозможна цивилизация и культура, невозможна духовная жизнь и Духовная Община. Без правдивости не может существовать и общество вообще, так что любой, виновный в лживой речи, подрывает основы общества. Лжец – это антисоциальный элемент, особенно, если дело касается суда.

Поэтому ложь, произнесенная человеком в суде притом, что он был вызван для дачи правдивых показаний, является в буддизме парадигмой лживых речей, тогда как правда в тех же обстоятельствах – парадигмой правдивости, что мы и видим в случае, когда Будда учит Чунду тройному очищению. Лжесвидетельство является таким тяжким преступлением именно потому, что оно делает правосудие

невозможным, а без правосудия общество теряет моральную основу, при этом главенство права подменяется правом силы.

Лжесвидетельство – не единственная форма лжи, подрывающая основы общества. Например, Новоречь Джорджа Оруэлла или любой другой вариант лицемерного жаргона, могут нести в себе тот же разрушительный эффект. Когда Конфуция спросили с чего бы он начал, если бы его пригласили возглавить государство, он ответил: «С введения единой терминологии». ²¹ Также, Ницше больше всего нравилось в Заратустре (в реальном Заратустре, а не в продукте его собственного философско-поэтического воображения) то, что его учение преподносило правдивость как высочайшую добродетель. «Говорить правду и искусно стрелять из лука – вот добродетели перса»,²² утверждает он, полагая эти способности главными составляющими закона и качествами пророка. В *Дхаммападе* говорится примерно о том же, хотя, скорее, в негативной форме:

Нет зла, которое не мог бы совершить человек,
говорящий ложь, пренебрегший наставлением,
презревший весь мир.²³

²¹ *Аналекты*, том XIII, глава III. *Аналекты бесед Конфуция с учениками и некоторыми другими*, перевод на английский William Edward Soothill (перепечатка OUP 1941), стр. 129. *Конфуций: Аналекты (Лунь Юй)*. Предисловие D.C. Lau (Изд. Penguin, перепечатка Harmondsworth 1982), стр. 118.

²² *Так говорил Заратустра*, перевод с предисловием R.J. Hollingdale (Изд. Penguin, перепечатка Harmondsworth 1969), стр. 31.

²³ *Дхаммапада*, строфа 176

Другими словами, человек, говорящий неправду, и не признающий существование высшего мира моральных и духовных ценностей, может легко отказаться следовать и остальным наставлениям.

Одной из самых простых и в то же время одной из самых важных форм воздержания от лживых речей и развития в себе правдивости является точность в изложении фактов. Имеется в виду изложение виденного, например, или слышанного со скрупулёзной передачей фактов, которые имели место, без добавлений и умолчаний о чем либо, без преувеличений или преуменьшений, с обязательным упоминанием существенных обстоятельств. Следовать Четвертому Наставлению очень сложно даже в таком ограниченном его понимании и, стремясь следовать этому Наставлению в его высшей, утонченной и искусной форме, нужно постоянно тщательно тренировать способность точно излагать факты. Очень часто мне приходилось удивляться и одновременно огорчаться тому, насколько безответственно интерпретировались мои замечания и передавались мои устные послания, причем часто теми, от кого я ожидал в этом плане большей внимательности.

Подобная беспечность может стать не только причиной путаницы и неопределенности, но и серьезного недопонимания между двумя людьми. Передавая послание одного человека другому, необходимо прилагать все усилия, чтобы точно следовать духу и букве этого послания – в противном случае, пренебрежение Четвертым Наставлением, скорее всего, приведет к пренебрежению и Седьмым.

Еще много различных вопросов можно рассмотреть в связи с Четвертым Наставлением, но большинст-

во из них уже обсуждались ранее. Однако, прежде чем сказать из какого драгоценного камня или металла выстроен столп Четвертого Наставления, я хотел бы остановиться на одном моменте, которого не касался ранее. Хотя он и не касается прямо вопросов личного следования Четвертому Наставлению, он, тем не менее, очень важен.

Говоря правду, мы, естественно, рассчитываем, что нам поверят, в противном случае, эффективная передача информации не сможет состояться. Однако и мы, в свою очередь, должны верить другим, когда они говорят правду. Второе, пожалуй, по тяжести преступление против человека после убийства – и именно это я хотел подчеркнуть – это не верить ему, когда он говорит правду. Не верить человеку, говорящему правду, означает подвергать сомнению его идентичность как социального существа и нарушать человеческую солидарность. Такое неверие, в действительности, представляет собой акт насилия.

Поэтому недостаточно просто говорить правду, необходимо также верить правдивым речам других, особенно в рамках Духовной Общины. Это в свою очередь означает, что нужно вырабатывать в себе глубокую осознанность и чувствительность ко лжи, чтобы всегда быть уверенным в том, что собеседник говорит правду. В противном случае, можно непреднамеренно причинить ему большой вред.

Четвертое Наставление – жемчужный столп, если вы можете себе такое представить. Это жемчужный столп, так как для того, чтобы найти жемчуг, нужно нырнуть глубоко в пучину океана. Подобно этому, чтобы открыть правду, необходимо погрузиться очень

глубоко, иногда в самом прямом смысле, а не найдя правды, вряд ли можно ее высказать.

ПЯТОЕ НАСТАВЛЕНИЕ

Принцип воздержания от грубых речей, или Доброжелательная речь

Многое из того, что уже было сказано о глубинном значении четырех предыдущих наставлений, в особенности последнего, может быть отнесено, с определенными оговорками, и к остальным трем наставлениям, касающимся речи. Поэтому мы не станем останавливаться на них также долго, как на Четвертом Наставлении. Я ограничусь всего несколькими замечаниями, возможно, не такими значительными в сравнении с фундаментальными вопросами, раскрытыми ранее, но, тем не менее, обладающими определенной практической ценностью.

Говоря о негативной форме Пятого Наставления, хотелось бы отметить, что необходимо воздерживаться не только от грубой речи в ее самой неприкрытой и очевидной форме, но и от увлечения вульгарным, неприличным и непристойным языком в любой его форме. Такой язык стал очень частым явлением в последнее десятилетие, в особенности использование ненормативной лексики, употребление которой считается признаком яркой мужественности, свободы от предрассудков и определенной артистичности, а не эмоциональной незрелости, извращенного воображения и скудности разговорного языка, чем на самом деле и является. Говоря о себе, могу с уверенностью сказать, что, за исключением двух-трех случаев, когда мне приходилось комментировать высказывания других

людей, я ни разу в жизни не использовал грубых выражений. Еще в юном возрасте несколько бранных слов, услышанных мною в семейном кругу, сильно ранили меня и вызвали глубокое отвращение, а став чуть старше я осознал, что не смогу пользоваться таким языком. Уже тогда мне показалось, что грубый, непристойный и вульгарный язык является отражением глубоко негативного эмоционального состояния и буквально отравляет атмосферу.

Хотел бы уточнить, что частью такого языка я считаю также все те неприятные и агрессивные высказывания, которыми некоторые мужчины низводят женщин до самой низкой их сексуальной категории. Такие выражения являются формой Грубой речи, и всем буддистам следует максимально избегать их, равно как и других выражений, им подобных.

Настолько же, насколько Грубая речь отравляет атмосферу, Доброжелательная речь, позитивная форма воздержания от Грубой речи, наоборот очищает ее и наполняет энергией. Доброжелательная речь, подобно согревающим лучам восходящего солнца, расправляет листья и открывает цветочные бутоны. Люди часто не осознают, насколько мощный положительный эффект могут вызвать всего несколько дружеских слов. Доброжелательная речь или Хорошая речь, как ее еще можно назвать, должна стать привычной для нас, не стоит придерживать ее для критических ситуаций, особых случаев или особых людей.

Одна из главных форм Доброжелательной речи – это то, что в буддизме называется «Сорадование благим заслугам», и я очень рад, что у нас в Триратне именно такое выражение позитивных эмоций становится все более и более популярным. Среди подчиненных форм

Доброжелательной речи можно упомянуть утонченную речь, вежливую и даже изысканную речь. Их важность существенно меньше, но не настолько, чтобы пренебрегать ими. Будь то в пределах или вне Триратны, все они помогают создать позитивную атмосферу, в которой становится возможным образование духовного братства и развитие духовной жизни.

Пятое Наставление – янтарный столп. И хотя это не драгоценный камень и не металл, но его прозрачное органическое вещество поддается тщательной полировке. У янтаря глубокий, теплый, красновато-желтый, медовый цвет, как бы подсвеченный изнутри. Кроме того, при трении янтарь сильно электризуется, притягивая к себе другие предметы.

ШЕСТОЕ НАСТАВЛЕНИЕ

Принцип воздержания от пустых речей, или Осмысленность

В палийских текстах часто встречается ситуация, где Будда перечисляет 32 вида легкомысленной, бесполезной, пустой и лишённой смысла речи, искушению пользоваться которой его последователи не должны поддаваться. И две с половиной тысячи лет спустя, благодаря радио, телевидению и прессе, таких видов можно насчитать, как минимум, тридцать две тысячи, и сейчас как никогда важно помнить о принципе, по которому этот список создается, то есть, о принципе воздержания от пустословия, а в позитивной форме – Осмысленности речи.

Речь может быть осмысленной, только если осмысленной является сама жизнь, а жизнь становится осмысленной, только при наличии четкой цели. Для буддиста такой целью является Просветление, а это означает, что для буддиста осмысленной речью будет являться разговор о Дхарме, поскольку Дхарма – путь к достижению Просветления. На самом деле, речь не столько о Дхарме, как способе достижения Просветления, сколько о «Дхарме» в качестве обобщения всех доктрин и методов, воззрений и ритуалов, которые помогают нам продвигаться к Трансцендентальному. Дхарма – это все, что помогает нам развиваться как личности, но без излишнего индивидуализма, поскольку истинное развитие

личности состоит из двух видов действий – в отношении себя и других.

Таким образом, Осмысленная речь – это не формальные разговоры о Дхарме, и тем более не «набожные речи» (как нередко переводят палийский термин «*дхамма-катха*»), а беседы о средствах достижения Просветления или обо всем, что помогает нам в личностном развитии. Более того, Осмысленная речь сама по себе является одним из средств достижения Просветления, если она проявляется в виде углубленной беседы двух или более людей, посвятивших себя идеалу Просветления или принявших Прибежище.

Тот факт, что речь должна быть Осмысленной, вовсе не означает, что при каждом удобном случае нужно привносить в беседу тему буддизма, подобно одному из персонажей рассказа Честертона, который, о чем бы ни шел разговор, умудрялся свести его к рассуждениям о римско-католической церкви. Факт приверженности идеалу Просветления проявится естественным образом в ходе беседы, и речь станет Осмысленной без каких-либо дополнительных усилий. Однако это произойдет только при условии непрерывного осознания этой своей приверженности или цели своего существования вообще, также направления, в котором движется разговор, равно как и общей атмосферы вокруг него. Пустые разговоры почти всегда начинаются при встрече двух или трех человек, и если не оставаться постоянно на стороже, чистое серебро Осмысленной речи очень быстро окислится под влиянием ядовитого дыхания одной или более форм речи Бессмысленной.

Осмысленная речь – столп из серебра. Он серебряный не только потому, что может темнеть без

периодической полировки осознанностью, но также и потому, что как и золото, серебро гибко и податливо, и способно принимать такое же множество форм, как и Дхарма. Также, подобно золоту, серебро является общепризнанным эквивалентом при обмене, в данном случае – обмене духовными ценностями в ходе искреннего общения.

СЕДЬМОЕ НАСТАВЛЕНИЕ

Принцип воздержания от клеветы, или Примиряющая речь

Злобная речь, от которой Седьмое Наставление требует воздерживаться, является по-своему разрушительной, так же как Примиряющая речь, являя собой ее позитивную противоположность, создает гармонию также по-своему. Злоба являет собой неприязнь, ненависть или злую волю, а злобная речь, в самом широком ее понимании, – это слова, которые такими неискусными состояниями сознания вызываются. В контексте Седьмого Наставления, в качестве объекта неприязни, ненависти или злой воли, рассматривается состояние единства, согласия и дружественности между двумя или более людьми. А злобная речь привносит, причем намеренно, в отношения разобщенность, разногласия и взаимную неприязнь. Именно поэтому, термин *писунавача* иногда переводят не как «злобная речь», а как «клевета» или «навет».

Истинная природа Принципа Воздержания от Злобной речи или Гармоничной речи, замечательно преподносится в эпизоде наставления Буддой серебряных дел мастера, Чунды, о котором уже упоминалось. Описывая человека, который отбросил клевету и продолжает воздерживаться от нее, Будда говорит следующее:

Когда он слышит что-то в одном месте, он не повторяет это в другом, чтобы не вносить раздор между людьми;

Когда он услышал что-то здесь, он не повторяет это там, чтобы не вносить раздор между людьми.

Раздор, и как следствие – разобщенность, часто привносится третьей стороной, сознательно нагнетающей конфликт, сообщая двум людям или двум группам людей, что о них предположительно говорила противная сторона в их отсутствие. Иногда это несомненная клевета, однако, гораздо чаще передают действительно сказанное, но вырвав из контекста или подтасовав факты. Человек действительно соблюдающий Седьмое Наставление, должен воздерживаться от такого скользкого поведения. «Так он собирает разобщенных и восстанавливает гармонию». Другими словами, если даже согласие между людьми и было нарушено, гармония может восстановиться и сама, если посторонние не станут вмешиваться со своими версиями. Гармония вызывает в Нем блаженство и восторг, Он вдохновенный ее сторонник.

Слова Будды очень сильны. Следование Седьмому Наставлению означает не только воздержание от злобных речей – должна присутствовать также радость от привнесения гармонии, от произнесения «речей, создающих гармонию», говоря человеку, к примеру, что его друг хорошо отзывался о нем или защищал от критики. Очевидно, что положительная противоположность Воздержания от Злобных речей – не столько Гармоничная, сколько Гармонизирующая речь, то есть слова, трансформирующие раздор в гармонию или поднимающие уже наметившуюся гармонию до нового,

более высокого, уровня. Применимость вышесказанного к Духовной Общине несомненна.

Седьмое Наставление – столп опаловый. Он сооружен из опала или, как его называют, драгоценного или благородного опала, потому что он способен собрать все цвета радуги в единый луч, так же, как Принцип Воздержания от Злобных речей или Гармоничная (Гармонизирующая) речь собирает разных людей в единое общество или общину.

ВОСЬМОЕ НАСТАВЛЕНИЕ

Принцип воздержания от алчности, или Удовлетворенность

Начиная рассматривать Восьмое Наставление, мы оставляем наставления, касающиеся речи, и переходим к группе наставлений, относящихся к уму. Кроме того, мы переходим от семи наставлений, составляющих *шила* или этическое учение в более узком смысле, к рассмотрению трех наставлений, которые, вместе с предыдущими семью, образуют *шила* или этическое учение в более широком значении. Поскольку эти три наставления об уме касаются не столько поведения, связанного с телом и речью, сколько внутреннего состояния, выражением которого это поведение является, они представляют наибольшую важность. Однако, к сожалению, нам придется остановиться на них не менее кратко, чем на трех последних наставлениях, касающихся речи. Причиной тому, как мы увидим далее (и как мы уже видели при рассмотрении темы «Десять Наставлений и другие этические нормы»), Восьмое и Девятое Наставления касаются той части сознания, которая формирует благородную группу *самадхи* (концентрация и медитация), а Десятое Наставление касается, прежде всего, благородной группы мудрости, поэтому такую обширную тему как концентрация и медитация мы здесь просто не сможем охватить. Пока будет достаточно, если я обращу ваше внимание на некоторые связующие звенья.

В своей негативной форме Восьмое Наставление формулируется как воздержание от алчности (пали *абхиджа*). Мы постараемся приблизиться к пониманию глубокого значения этого термина, не только анализируя само понятие, но и принимая во внимание три других важных термина, с которыми он, практически, синонимичен. Хотя это и покажется странным на первый взгляд, вторая часть слова *абхиджа* происходит от *джаяти* (санскрит *дхьяяти*), что значит «медитировать, созерцать, размышлять, обдумывать, искать, разыскивать». От этого же слова происходит *джана* (санскрит *дхьяна*). Приставка *абхи* означает «очень, сильно». Таким образом, *абхиджа* определяет состояние интенсивного обдумывания, размышления о чем-то очень привлекательном, вожделенном, то есть алчность. Три других термина, являющихся приблизительно синонимами термина *абхиджа*, – *лобха*, *танха* (санскрит *тришна*), *рага*. Слово *лобха* означает жадность, похоть, вожделение, страсть, и является родственным латинскому *libido*, равно как немецкому *lieb* и английскому *love*. *Танха* переводится как «жажда», и происходит от корня, означающего сухость, как и английские слова *thirst* (жажда) и *drought* (засуха). А *рага* (буквально – цвет, оттенок, окраска) несет в себе значение «возбуждение, страсть».

Значение рассмотренных терминов позволяет составить общее представление о состоянии сознания, к которому апеллирует принцип воздержания от алчности. Это, фактически, состояние, при котором «я» или эго выражает свое отношение к «не-я» или «не-эго» в виде желания присвоить его или даже сделать частью себя, заполняя таким образом зияющую пустоту своего внутреннего мира. Поскольку присвоить внешний

объект подобным способом невозможно, алчность означает наличие постоянного разочарования. Именно поэтому в палийских текстах слово *абхиджа* часто соседствует с термином *доманасса* – «стресс, удрученность, меланхолия, горе». Другими словами, принцип воздержания от алчности относится к тому состоянию общей экзистенциальной поляризации между жаждущим субъектом и объектом его алчности, частный случай которого уже нами рассматривался как полевая поляризация при обсуждении Третьего Наставления.

Трудно подобрать точный термин для обозначения позитивной противоположности Воздержанию от Алчности. В контексте Благих Обетов мы говорим об «отказе от алчности и стремлении к щедрости», но в данном случае, если не рассматривать «щедрость» в качестве положительной противоположности Воздержанию от Взятия того, что не отдано по доброй воле, этот термин не представляется достаточно сильным. Если алчность подразумевает состояние сознания, при котором принимается то, что не отдано по доброй воле, то положительной противоположностью воздержания от алчности должно быть состояние, при котором проявляется щедрость. Такое состояние можно было бы назвать «деполяризацией», хотя сам термин представляется несколько абстрактным и является негативным по форме. Его можно было бы назвать также термином «отречение», но он тоже негативен, или «спокойствие», если бы он уже не был использован в качестве положительной противоположности воздержанию от причинения вреда в сексуальной сфере. Возможно, наилучшим вариантом было бы назвать положительную противоположность Воздержания от Алчности – Удовлетворенностью.

Очевидна связь между Восьмым Наставлением, или, я бы даже сказал, между всеми тремя наставлениями, связанными с сознанием, и медитацией. Медитация представляет собой субъективный или прямой метод повышения уровня осознанности, в отличие от Правильных Средств к Существованию, Хатха Йоги или *кальяна митрата*, являющихся объективными или косвенными методами. Поскольку осознанность состоит из различных состояний сознания, тот факт, что медитация является прямым методом повышения ее уровня, вовсе не означает, что существует единая, общая техника такой медитации. Существует несколько медитативных техник, каждая из которых повышает общий уровень осознанности путем воздействия на определенную неискusstную форму сознания. Так как алчность – это состояние, при котором «я» или эго выражает свое отношение к «не-я» или «не-эго», соответствующая техника медитации должна приводить к ее устранению путем постоянной проверки на предмет возникновения склонности к алчности и осознания ее пагубности.

Существует несколько подобных медитативных техник. Среди них Памятование о Смерти, Памятование о Нечистотах (то есть десять «медитаций о теле») и Памятование о Шести Элементах, хорошо знакомые большинству членов Ордена. В последние годы для митр, готовящихся вступить в Орден или обратиться к Прибежищу, стало традицией практиковать Памятование о Шести Элементах в течении нескольких недель, предшествующих этим событиям. Таким образом они не только переживают «смерть», предшествующую духовному «возрождению» в качестве членов Ордена, но и закладывают основание для

дальнейшего упорного следования принципу Воздержания от Алчности или Удовлетворённость.

Восьмое Наставление – малахитовый столп, потому что глубокий, богатый, зеленый цвет его, скорее, «прохладный», чем «теплый», символизирует «охлаждение» лихорадки алчности. Зеленый – это также цвет растительности, успокаивающее и расслабляющее действие которой на сознание общеизвестно.

ДЕВЯТОЕ НАСТАВЛЕНИЕ

Принцип воздержания от ненависти, или Сострадание

Как и в случае с термином *абхиджа*, глубоко вникнуть в понятие «Ненависть» можно, анализируя значение не только самого слова, но и других, являющихся его синонимами. *Вьяпада* (или *бьяпада*) означает «поступать плохо, причинять вред, желание нанести увечье, недоброжелательность, злая воля». Родственные слова – *вьядхи*, означающее «болезнь, недомогание, заболевание, недуг», и *вьядха*, означающее «охотник». Таким образом становится понятно, что общее значение термина – желание зла. Ближайшие по значению к *вьяпада* термины – *доша* (санскрит *двеша*), *кодха* (санскрит *кродха*) и *вера* (санскрит *вайра*). *Доша* означает «злость, злой умысел, злая воля, злобность, порча, злоба, ненависть», *кодха* – просто «злость», а *вера* – «неприятель».

Истинную природу неискusstного состояния сознания, которого касается Девятое Наставление, можно уяснить только установив связь между понятиями «Ненависть» и «Алчность». В то время как алчность это состояние, при котором «я» или эго выражает свое отношение к «не-я» или «не-эго» в виде желания присвоить его или даже сделать частью себя, ненависть – это состояние, возникающее в том случае, если такое отношение обнаруживается, предупреждается или пресекается самим «не-я» или «не-эго», либо другим лицом или фактором. Поэтому, если алчность является

первичным психологическим состоянием, то ненависть – вторичным. Оно проявляется в виде смертельного желания причинить возможно больший вред и урон всему, что становится между алчущим субъектом и объектом алчности.

Что касается положительной противоположности принципа Воздержания от Ненависти, то это не Любовь, как логично было бы представить, а Сострадание. Термин Любовь уже используется в качестве положительной противоположности Воздержанию от Убийства, но главная причина того, что в данном случае пользуются словом Сострадание, а не Любовь, в том, что положительная противоположность Воздержания от Ненависти содержится в понятии Идеала Бодхисаттвы. В соответствии с текстом *Упали-парипричча* или «Вопросы (Архата) Упали», махаянской *Ратнакута-сутрой*, для Бодхисаттвы пренебрежение наставлениями под воздействием желания (=алчности) считается мелким нарушением, даже если это происходило во множестве *кальп*, тогда как даже один единственный случай пренебрежения каким-либо наставлением под воздействием злости (=ненависти) считается очень серьезным нарушением. Причиной служит то, что «Бодхисаттва, не следующий наставлениям из-за желания, [всё еще] держит чувствующих существ в своих объятиях, а Бодхисаттва, не следующий наставлениям из-за ненависти, отрекается от них от всех».²⁴ В этом эпизоде, впрочем, как и во

²⁴ *Сокровищница махаянских сутр. Избранные отрывки Махаратнакута-сутры*. Перевод Буддийской ассоциации Соединенных Штатов Америки, главный редактор Garma C.C. Chang (Пенсильвания и Лондон 1983), стр. 270

всех других, Махаяна вовсе не утверждает, что пренебрежение наставлениями из-за желания не существенно, но подчеркивает, в присущей ей гиперболической манере, что для Бодхисаттвы крайне важно не отречься от чувствующих существ, ни при каких обстоятельствах, а пренебрегая наставлениями из-за ненависти, он делает именно это. Ненависть и сострадание взаимоисключающи. Поэтому «Сострадание», а не «Любовь» – положительная противоположность Воздержания от Ненависти.

Следующие виды медитации помогают определить ненависть, возникающую при препятствовании алчности: четыре Брахма Вихары, то есть систематическое развитие (бхавана) таких положительных состояний сознания как любовь, сострадание, сорадование и равностность, а также такие практики как Сорадование благим заслугам и Пуджа. После исчезновения ненависти можно приступать к устранению алчности, которая служит причиной ненависти.

Девятое Наставление – рубиновый столп. Он рубиновый потому, что классический рубин – глубокого чистого красного цвета, а красный – не только цвет Любви и Сострадания, но также, в более буквальном смысле, цвет крови, той самой крови, которую Бодхисаттва готов пролить и разделить между сотнями жизней на благо всех живых существ.

ДЕСЯТОЕ НАСТАВЛЕНИЕ

Принцип воздержания от ложных воззрений, или Мудрость

Принимая во внимание всю его важность, мы остановимся на Десятом Наставлении, то есть принципе Воздержания от ложных воззрений, несправедливо коротко, уделив ему даже меньше внимания, чем двум предыдущим наставлениям. И все же мы постараемся пойти несколько дальше, чем просто определить, что понимается под ложными взглядами и как от них избавляться, хотя для данного труда и этого было бы достаточно. Палийский термин, означающий «ложные воззрения» – это *мичча-диттхи* или *мичча-дасана* (санскрит *митхья-дришти*, *митхья-даршана*). *Мичча* означает просто «неправильный» или «ложный», а *диттхи* – «воззрение, верование, догма, теория (ложная теория), беспочвенное или необоснованное мнение». Таким образом, *мичча-диттхи* и *мичча-дасана* означают, во-первых, неправильное, ложное воззрение, в смысле – ложный метод восприятия вещей и, во-вторых, – ложное воззрение, то есть взгляды, изложенные более или менее систематически и при помощи определенной интеллектуальной терминологии в форме доктрины.

Воззрения или доктрины будут неправильными или ложными, если они являются выражением или даже рационалистическим обоснованием состояния сознания, вызванного алчностью или ненавистью, а равно и омраченностью (*моха*), когнитивной

составляющей алчности. Воззрение будет являться правильным, истинным или совершенным, то есть *самьяк* (пали *самма*), если оно представлено сознанием, не замутненным алчностью, ненавистью и омраченностью, а именно, просветленным сознанием, которое воспринимает вещи такими, какими они являются на самом деле, хотя оно и не будет правильным в значении противоположности ложным или неправильным воззрениям.

Истинное воззрение – также и не-воззрение. Это не-воззрение в том смысле, что его не придерживаются с тем упрямством и убежденностью в своей абсолютной правоте, с какой обычно придерживаются ложного воззрения (такое упрямство и убежденность являются неискренними состояниями сами по себе), а относятся к нему как к чему-то временному и не законченному, как к средству обретения Просветления, а не как к чему-то законченному и самодостаточному. Будда как-то сказал: «У Татхагаты нет воззрений». Хотя он и видел окружающее таким, каким оно есть на самом деле, он обладал также «критическим» осознанием невозможности полного и окончательного выражения своих взглядов при помощи четких фиксированных терминов. Именно поэтому, хотя он и проповедует Дхарму, он проповедует ее в качестве «Плота», который можно оставить, достигнув Другого Берега.

Наставляя Чунду, Будда упоминает о четырех-пяти самых простых и распространенных ложных воззрениях (соответствующие правильные воззрения, перечисляемые в этой сутте несколько далее, входят в отрывок часто цитируемой в качестве одного из канонических источников Десяти Наставлений).

Описывая человека с оскверненным сознанием, Будда говорит:

И человек переродился в центральных провинциях, но он придерживается ложных воззрений, имеет искажённую точку зрения: «Нет ничего, что дано; нет ничего, что предложено; нет ничего, что пожертвовано. Нет плода или результата искусных или неискусных поступков. Нет этого мира, нет следующего мира; нет отца, нет матери, нет спонтанно рождающихся существ. Нет жрецов и отшельников, которые посредством праведной жизни и правильной практики провозглашали бы другим, что познали и засвидетельствовали самостоятельно этот мир и следующий».²⁵

Другими словами, такой человек считает, что действия не вызывают последствий, а следовательно, нет разницы между действиями искусными и неискусными; что не существует высших духовных ценностей и обусловленного моралью общественного порядка, характерного для человеческого общества; что в схеме бытия не существует никого выше сексуально диморфного человека, как мы его сегодня называем; и что не существует духовной жизни и самой возможности лично осознать сущность вещей. Эти ложные воззрения – самые простые в том смысле, что они отрицают самым грубым и резким образом возможность даже самой элементарной формы морали и духовной жизни и утверждают бессмысленность следования Десяти Наставлениям.

²⁵ *The Book of the Gradual Sayings (Anguttara-Nikaya)*, том 5. Pali Text Society, стр. 178

Описание более сложных и изощренных ложных воззрений, которые делают невозможными более высокие формы духовной жизни и восприятия вещей такими, какими они являются на самом деле, и которые абсолютизируют свои более примитивные формы, можно найти в *Брахмаджала-сутте*, первом из тридцати двух наставлений в *Дигха-Никая*. Тот факт, что *Брахмаджала-сутта* или «Сутта о совершенной сети» является первой среди всех наставлений в *Дигха-Никая* и тем самым – первым наставлением всей Трипитаки, не менее важен, чем факт расположения книги Бытия в самом начале Библии. В этой сутте Будда перечисляет и системно анализирует шестьдесят четыре ложных воззрения, некоторые из которых крайне изощренны и трудно распознаваемы. Они включают в себя все возможные ложные воззрения и образуют «совершенную сеть», в которую попадают «жрецы и отшельники» (то есть философы и теологи), поддавшиеся ложным воззрениям. Какими бы трудноразличимыми и изощренными, или грубыми и элементарными не были ложные воззрения, от всех от них необходимо отказаться для достижения Просветления.

Поскольку ложные воззрения представляют собой квинтэссенцию неискусных состояний сознания, наиболее эффективный способ избавиться от них – устранить неискусные состояния сознания, породившие их. Это достигается при помощи медитации. И действительно, предотвращая возникновение неискусных состояний сознания и устраняя уже имеющиеся, медитация повышает общий уровень осознанности, при этом *дхьяны*, то есть «состояния высшей осознанности», представляют собой не что иное, как непрерыв-

ный поток искусного сознания возрастающей чистоты и интенсивности.

Как мы уже определили, алчность устраняется при помощи таких медитативных практик как Памятование о Смерти, Памятование о Нечистотах и Памятование о Шести Элементах, а ненависть – при помощи практики четырех Брахма Вихар, Сорадова-ния благим заслугам и Пуджи. А омраченность, которая в определенном смысле представляет собой изначальную причину не только всех ложных воззрений, но также и самих алчности и ненависти, можно устранить при помощи таких практик как Осознанное Дыхание, Памятование о Шести Элементах, размышление о Двенадцати (или Двадцати Четырех) Ниданах, а также осознание таких доктринальных положений как три особенности обусловленного существования и четыре вида *шуньяты* или пустоты.

От ложных воззрений также можно избавиться при помощи традиционного изучения Дхармы и искренних бесед с членами Духовной Общины, обладающими большей эмоциональной позитивностью и ясностью ума.

Независимо от способов, чем в большей степени удастся избавиться от ложных воззрений, тем сильнее и ярче начинает проявляться то, что именуют Интуицией, Совершенным Видением или Мудростью; и наоборот, чем сильнее и ярче Интуиция, Совершенное Видение и Мудрость, тем выше степень избавления от ложных воззрений. И когда наступает полное избавление от ложных воззрений, Мудрость начинает сверкать в полную силу, и именно Мудрость представляет собой позитивную составляющую Воздержания от ложных воззрений. Тот факт, что она является позитивной

составляющей воздержания от ложных воззрений, вовсе не значит, что она выражает исключительно истинные воззрения. Мудрость не выражает никаких воззрений, даже истинных, хотя может пользоваться ими для общения с Дхармой.

В современном мире Мудрость – большая редкость, и много можно говорить о том, как ложные воззрения атакуют нас со всех сторон, главным образом, в результате доминирования так называемых масс медиа. Но пора нам выяснить из чего создан последний десятый столп. Но прежде чем мы сделаем это, я хотел бы, чтобы мы ясно поняли, что если просто начать следовать Десятому Наставлению в нынешних, очень сложных, обстоятельствах, необходимо сделать как минимум три вещи:

- ¹ нам нужно осознать в какой степени наше мышление и то, как мы его выражаем, подвержено влиянию ложных воззрений, которые окружают нас с рождения;
- ² мы должны осознать, что ложные воззрения не просто продукт неискусных состояний сознания, но также, не будучи радикально устраненными, они усиливают эти неискусные состояния, тем самым препятствуя продвижению по пути к Просветлению;
- ³ мы должны определиться, что при обсуждении каких бы то ни было сложностей в нашей личной духовной жизни или проблем, связанных с Орденом или Движением в целом и, естественно, при обсуждении самой Дхармы, мы будем руководствоваться только Истинными Воззрениями (и, если возможно, – Мудростью), а не ложными

воззрениями, столь модными сейчас в окружающем мире.

Мы должны обсуждать буддизм на языке буддизма. Если после тщательного изучения мы приходим к выводу, что язык Блэйка, Хайдеггера или Уильяма Морриса в определенной степени совпадает с языком буддизма, – это другой вопрос, и тогда можно свободно проповедовать Дхарму также и их языком при условии, что это будет уместно и искусно. Любая попытка проповедовать Дхарму с тех позиций и при помощи языка, которые, явно или скрыто, отрицают саму возможность существования Мудрости, приведет к путанице.

Десятое Наставление – столп из сапфира, потому что сапфир глубокого интенсивного голубого цвета, а голубой – цвет безоблачного неба, с которым часто сравнивают Мудрость, положительную составляющую Воздержания от ложных воззрений.

* * *

Теперь, когда мы определили из чего сделан последний из столпов, мы можем ощутить величественность, красоту и великолепие Десяти Наставлений как всех вместе, так и каждого из них в отдельности. Мы видим, что Десять Наставлений представляют собой в действительности Десять Столпов буддизма, возведенных из бриллиантов, золота, хрусталя, жемчуга, янтаря, серебра, опала, малахита, рубинов и сапфиров. Эти Десять Столпов поддерживают величественное сооружение – Дхарму. Некоторых из вас мог разочаровать тот факт, что ни один из столпов не состоит из ваших любимых драгоценных металлов или камней. Но позвольте напомнить вам, что хоть я и не упоминал об

этом, у всех столпов имеются основания и капители, столпы поддерживают арки и архивольты, и все они тоже сделаны из различных драгоценных материалов.

В начале этой книги я описал Десять Наставлений в виде двойного ряда столпов, поддерживающих строение Дхармы, с куполом Медитации, увенчанным легким шпилем Мудрости. Однако не говорил из какого материала купол и шпиль сооружены. Но, исходя из того, о чем мы говорили, рассматривая три последних наставления, можно с уверенностью сказать, что купол (двойной купол) выстроен из материала, мало отличающегося от изумруда и рубина, а шпиль – из материала, напоминающего сапфир.

Также мы не упоминали о людях, пришедших в здание Дхармы, идущих меж столпов и обращающих свой взор сквозь купол на бесценный шпиль и выше. Вряд ли стоит уточнять, что эти люди – мы, и что это мы стоим в центре этого здания Дхармы в это мгновение, вместе со всеми, кто обратился, обращается или обратится к Прибежищу в Будде, Дхарме и Сангхе. Но здесь, в окружении драгоценных столпов, под величественным куполом и шпилем, что толку нам от этих образов? Наши архитектурные метафоры разрушаются. Они разрушаются потому, что мы сами и есть эти столпы, купол и шпиль, по крайней мере, потенциально. И архитектурная метафора заменяется биологической, даже ботанической.

Десять Наставлений можно представить не только в виде десяти столпов, но и в виде десяти лепестков великолепного цветка, где Медитация – это тычинка, а Мудрость – семя или плод. Этот цветок – мы сами, и в индивидуальном, и в «коллективном» понимании. Мы растем и цветем не только на благо себя самих, но и во

имя всех живых существ. Другими словами, если отбросить все метафоры, вряд ли можно найти что-нибудь (кроме обращения к Прибежищу) более важное и оказывающее большее влияние на нас самих и на других, чем следование Десяти Наставлениям. Поэтому наша попытка разобраться в глубине значения Десяти Наставлений и в отдаленных результатах следования им – является наилучшим способом отпраздновать шестнадцатую годовщину нашего Ордена. Чем более преданно мы будем следовать Десяти Наставлениям, тем выше вероятность, что Буддийский Орден Триратна понастоящему утвердится в качестве Духовной Общины, будь то в этом году или в следующие пять.

Так давайте же пообещаем, что приложим все усилия для укрепления и поддержания Десяти Столпов буддизма.

СОДЕРЖАНИЕ

Десять Наставлений	6	
Благие Обеты	7	
Предисловие	9	
Об авторе	13	
Введение	15	
ЧАСТЬ 1	Десять Наставлений (коллективно)	
Глава 1	Связь между Прибежищами и Наставлениями	27
Глава 2	Канонические источники Десяти Наставлений	33
Глава 3	Десять Наставлений и полная трансформация	47
Глава 4	Десять Наставлений как принципы этики	53
Глава 5	Десять Наставлений как правила практики	57
Глава 6	Десять Наставлений как «Мула Пратимокша»	61
Глава 7	Десять Наставлений и другие этические нормы	69
Глава 8	Десять Наставлений и образ жизни	73

ЧАСТЬ 2 Десять Наставлений (индивидуально)

Первое Наставление		
Принцип воздержания от убийства живых существ, или Любовь		81
Второе Наставление		
Принцип воздержания от взятия того, что не отдано по доброй воле, или Щедрость		93
Третье Наставление		
Принцип воздержания от причинения вреда в сексуальной сфере, или Спокойствие		101
Четвертое Наставление		
Принцип воздержания от лживых речей, или Правдивость		107
Пятое Наставление		
Принцип воздержания от грубых речей, или Доброжелательная речь		115
Шестое Наставление		
Принцип воздержания от пустых речей, или Осмысленность		119
Седьмое Наставление		
Принцип воздержания от клеветы, или Примирияющая речь		123
Восьмое Наставление		
Принцип воздержания от алчности, или Удовлетворенность		127
Девятое Наставление		
Принцип воздержания от ненависти, или Сострадание		133
Десятое Наставление		
Принцип воздержания от ложных воззрений, или Мудрость		137